

2-й годъ изданія.

0271

СѢВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ

Еженедѣльникъ молодой надпартий-
ной интеллигенціи

№ 6.

Вся чистая прибыль идетъ

въ пользу семей павшихъ

въ бою воиновъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

10 коп.

Продолжается подписка на 1915 г.
на торгово-промышленную, общественную и литературную газету
„ВѢСТНИКЪ РЫБИНСКОЙ БИРЖИ“
(Изданіе Рыбинскаго Биржевого Комитета).
(годъ четырнадцатый).

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

„Вѣстникъ Рыбинской Биржи“ ставитъ на первомъ планѣ сообщеніе фактовъ и разработку вопросовъ промышленности и торговли, и въ этомъ отношеніи удѣляетъ преимущественное вниманіе торгово-промышленной жизни на Волгѣ и ея притокахъ, причемъ вопросы хлѣбной торговли въ этомъ районѣ занимаютъ въ газетѣ первенствующее мѣсто. О хлѣбныхъ цѣнахъ помѣщаются спеціальныя телеграммы Петроградскаго Агентства и кромѣ того сообщенія собственныхъ корреспондентовъ, а также биржевыхъ комитетовъ и земскихъ управъ. При этомъ обращено особое вниманіе на ежедневную регистрацію хлѣбныхъ сдѣлокъ на биржѣ. Въ виду важности водныхъ путей для торговыхъ оборотовъ на Рыбинской биржѣ, „Вѣстникъ“ имѣетъ особый отдѣлъ постоянныхъ, въ теченіе навигаціи, сообщеній объ условіяхъ судоходства на Волгѣ, ея притокамъ и Мариинской системѣ. Разнообразный по своимъ политическимъ воззрѣніямъ составъ Биржевого Об-ва вынуждаетъ имѣть безпартийный органъ, въ виду чего „Вѣстникъ Биржи“ совсѣмъ отказался отъ партійной политики, но при этомъ онъ обязательно будетъ отзываться на всѣ выдающіяся явленія государственной и общественной жизни, а также на важнѣйшія событія въ международныхъ отношеніяхъ. Подписная цѣна безъ доставки 6 руб. въ годъ. Съ доставкой въ Рыбинскъ: на годъ 7 р., на 6 мѣсяцевъ 3 р. 75 к., на 3 мѣсяца 1 р. 90 к., на 1 мѣсяць 65 к. Съ пересылкою иногороднимъ: на годъ 8 р., на 6 мѣсяцевъ 4 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. 30 к., на 1 мѣсяць 85 к. Г.г. иногородніе члены Рыбинскаго Биржевого Общества, подписавшіеся на газету „Вѣстникъ Рыбинской Биржи“ срокомъ на годъ, платятъ только 6 рублей съ доставкой и пересылкою, а проживающіе въ г. Рыбинскѣ 5 рублей. Плата за объявленія: на 1-й страницѣ 20 коп., на 4-й страницѣ 10 коп. за строку пегита. За объявленія на продолжительные сроки и сезонныя, а также по спросу и предложенію труда плата по соглашенію. Въ виду того интереса, какой представляютъ разсматривающіеся въ данное время очередные вопросы о постройкѣ открытаго затона, элеватора и о выпрямленіи лѣваго берега р. Волги противъ Рыбинска, редакціей изданъ планъ г. Рыбинска съ видами города. Цѣна плава въ отдѣльной продажѣ 1 руб., для подписчиковъ 40 коп., съ пересылкою 50 коп. Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи, г. Рыбинскъ, зданіе Биржи.

Редакторъ *И. П. Виноградовъ.*

Открыта подписка на 1915 г. на
ежемѣсячный сельскохозяйственный журналъ
„ВѢСТНИКЪ“
Псковскаго общества сельскаго хозяйства
4-й годъ изданія.

Въ задачи журнала, главнымъ образомъ, входитъ распространеніе въ общедоступной формѣ сельско-хозяйственныхъ знаній въ средѣ мелкихъ хозяевъ—крестьянъ и хуторянъ—и ихъ ознакомленіе съ дѣятельностью правительства и земства и съ тѣми общественно-экономическими условіями, въ зависимости отъ которыхъ складывается жизнь и дѣятельность сельскаго хозяина. Россія велика, условія ея жизни, климата, почвы и т. д. чрезвычайно разнообразны, и совѣты, пригодные для юга Россіи, совершенно не будутъ подходить для сѣверной полосы Россіи и на оборотъ. Въ вѣстникѣ будутъ печататься статьи, преимущественно имѣющія мѣстное значеніе и въ частности пригодныя для сѣвернаго района. Всѣ печатаемые статьи будутъ освѣщены съ точки зрѣнія данныхъ естественно—историческихъ условій, основанныхъ на выводахъ опытно показательныхъ учреждений, а также проверенныхъ самими хозяевами и носящихъ чисто практической характеръ. Наряду со статьями спеціальнаго характера, обнимающими технику и организацію сельскаго хозяйства, редакція большое вниманіе удѣлитъ и вопросамъ экономического характера. Особое вниманіе будетъ удѣлено коопераціи. Съ этою цѣлью въ постоянномъ отдѣлѣ будутъ печататься отчеты о дѣятельности мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, кредитныхъ и потребительныхъ товариществъ и т. д. Зная, что у мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ и крестьянъ есть много такихъ въ ихъ жизни дѣлъ, въ коихъ они не знаютъ, какъ поступить и у кого спросить совѣта. Редакція предлагаетъ всѣмъ подписчикамъ „Вѣстника“ присылать ему свои вопросы по тѣмъ или другимъ интересующимъ ихъ дѣламъ. Совѣты свѣдущихъ лицъ на эти вопросы будутъ печататься безъ промедленія. Такъ какъ „Вѣстникъ Общества Сельскаго Хозяйства“ не является коммерческимъ предпріятіемъ, а издается исключительно съ цѣлью содѣйствовать улучшенію мѣстнаго сельскаго хозяйства, и Общество, съ своей стороны, на изданіе журнала затрачиваетъ значительныя средства, цѣна установлена всего лишь 1 руб. за годъ или 50 коп. за 1/2 года съ пересылкою. Подписныя деньги слѣдуетъ выслать въ г. Псковъ, на имя Псковскаго Общества Сельскаго хозяйства, Новгородская ул., д. Граудумъ (можно и почтовыми марками). Для общенія подписчиковъ между собою, въ Вѣстникѣ открытъ отдѣлъ „Спросъ и Предложеніе“, въ коемъ каждый подписчикъ имѣетъ право помѣстить свое извѣщеніе, предложеніе или спросъ чего нибудь, размѣромъ въ 10 строкъ, одинъ разъ, бесплатно. Мѣстные кооперативы журналъ получаютъ бесплатно, а также и всѣ члены Общества, уплатившіе свои членскіе взносы 1 руб. въ годъ.

Редакторъ, Предсѣдатель Общества *А. А. Малаховскій.*
Секретарь редакціи, Ст. инструкторъ по С. Х. части *Ф. П. Казекъ.*

Редакція проситъ нуждающихся т. т.—студентовъ и курсистокъ вступать въ число продавцовъ журнала. Объ условіяхъ справитесь въ редакціи отъ
5—9 ч. вечера.

Съвержый Гусляръ

0271

Адресъ конторы и редакціи: Петрогр. Стор. Б. Зеленина, д. 8, кв. 20. Контора открыта ежедневно съ 5 до 9 ч. веч. Редакція—отъ 6 до 8 час. веч. Тел. 530-66.

№ 6.

2-й годъ изданія.

11 Марта 1915 г.

СОДЕРЖАНІЕ: „Не-гусляры“, Антона Ковшъ.—У Балтійскаго моря, Симеоновой.—Современная любовь, П. Римуса.—Символическое творчество и любовь, А. Туфанова.—Когда-то (стих.), С. Раевской.—Впечатлѣнія литературы и жизни, Клавд. Прудовскаго.—Весеннее (стих.), Горбачева.—Чуточку о новой личности, какъ я ее понимаю и о старой школѣ, какъ я ее знаю, Василія Яшина.—О поэзіи Игоря Съверянина, А. Туфанова.—Юльская ночь (стих.), Евг. Радомирскаго.—Цѣнность индивидуализаціи, Э. Г.—Великій художникъ, Непли.—Сердце (сказ.), Анны Авдѣйчикъ.—Жизнь высшей школы.

Изъ чистой прибыли за 1914 г., передано во Всероссійскій Городской Союзъ для распредѣленія въ провинціи между семьями павшихъ въ бою воиновъ, за квитанціей отъ 3 марта сего года 1500 руб.

„Не-гусляры“.

(По поводу замѣтки „Гусляры“ въ „Днѣ“ отъ 21 февр. 1915 г.).

Антонъ Новшъ.

Давно готовился «День» «раздѣлать» гусляровъ, наконецъ то претворилъ свою мечту въ дѣйствительность: «раздѣлалъ», тѣмъ съ большей брезгливостью отвѣчаю на замѣтку отъ 21 февраля с/г. въ № 50 этой газеты. Не стану говорить о литературной «образованности» автора этой замѣтки,—съ рѣдкой самоувѣренностью заявляющаго, что «безвольное созерцаніе» въ художественномъ творествѣ «растлѣнная галиматья», видно, что ее писалъ одинъ изъ литературныхъ негровъ,—важно отмѣтить «курсъ» этой «прогрессивной» газеты

и «тонъ» относительно нашего журнала. Не нужно много думать, чтобы сказать: это доносъ на ушедшихъ впередъ. Въ двухъ словахъ это:

«Вы не пошли за нами, вы захотѣли быть выше насъ, «поднявъ знамя надпартийности», такъ знайте, мы не потерпимъ и за это обольемъ васъ помоями». И облили, хотя, тѣмъ самымъ, отхлестали себя. Разберемъ детальнѣе.

«Жаль, если группа Гусляра пойдетъ по такимъ заѣзженнымъ путямъ, какъ Ново-

вечерне-временскій», писалъ Антонъ Крайній въ «Днѣ» отъ 25 ноября 1914 г.

Это намекъ: «идите за нами». Но гуслары не пошли за Ново-вечерне-временцами, также, какъ не пошли и за широкой спиной „Дня“, скрывающей правда только пустое «нутро». Почувявъ «гибкую тактику» «Дня» и проч. безпартийствующихъ, гуслары заявили себя надпартийными: помимо «правой» и «лѣвой» есть еще верхъ и низъ—низъ давно абонированъ—гуслары заняли верхъ. Это-то и ущемило двустороннюю «прессу». Чуявъ «тайнственнымъ и неуловимомъ терминѣ»—надпартийность, свою гибель, гибель ущемленнаго «хвоста», «прогрессисты», спекулируя на довѣрїи читателя, подошли къ намъ съ чернаго хода. Но едва-ли это поможетъ: съ чернаго къ намъ нельзя—мы и грязненькихъ пускаемъ съ чистаго, только бы поняли. Не понимаете нашу надпартийность?—спросите—разскажемъ, но зачѣмъ блудить?

«Мы заготовили статью противъ васъ»—сообщилъ секретарь «Дня» редактору нашего журнала, на просьбу послѣдняго напечатать въ этой газетѣ письмо о передачѣ «Гусларомъ» 1000 руб. въ Вольно-Экономическое Общество. Угроза приведена въ исполненіе, тогда какъ обѣщаніе—нѣтъ.

Статья дѣйствительно появилась, а письмо такъ и осталось ненапечатаннымъ.

Что-жъ удивительнаго?

До сихъ поръ было такъ: лишь только на горизонтѣ общественнаго омута вспыхивало какое-либо явленіе, не вмѣщающееся въ рамки заготовленныхъ этикетокъ, представители «официальной прессы», „официальной науки“ и прочихъ «официальностей» поднимали вой, упорно отрицая новшество. А затѣмъ, когда дальше скрывать нельзя, когда «Моисей переросъ корзину», его берутъ и торжественно «открываютъ» «народу», конечно, честь открытія приписывая себѣ.

Такъ было съ научными открытіями, такъ было и въ литературѣ; вспомните символистовъ на Западѣ и у насъ; вспомните нашихъ футуристовъ, преданныхъ анаѣемъ нашей «воспитательницей» прессой и проч. и проч. и проч.

Въ «Гусларѣ» ихъ испугало только новшество, самостоятельный шагъ. Какъ не пугаться, когда молодежь, та молодежь, которая еще вчера курила фиміамы идоламъ «воспитателей», на колѣнахъ пѣла хвалебные гимны предъ холодомъ бездушнаго гранита,—сегодня творить свою жизнь по собственному почину. Какъ не пугаться?

«Все достойно изумленія въ этомъ журналѣ!» «и содержаніе», и задачи, «и способъ распространенія», трагически заявляетъ „День“ и, не имѣя возможности сказать что-либо по существу,—реагируютъ такъ: «Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ по улицамъ Петрограда, по трамваямъ, кофейнямъ и прочимъ общественнымъ мѣстамъ ходятъ молодые люди въ студенческой формѣ и продаютъ маленькій (гдѣ ему быть большимъ!) журнальчикъ „Сѣверный Гусларъ“». почему-бы не сказать просто—ходятъ студенты; „День“ знаетъ почему...

Зачѣмъ обязательно нужно прокатываться за счетъ наивнаго читателя? „День“ разсчиталъ „тонко“. Или вотъ еще: раздать деньги пострадавшимъ отъ войны, собранные путемъ продажи журнала имъ не удалось—«Обѣщаніе оказалось не исполнено»—«изъ 2870 руб. чистой прибыли 1000 руб. отдано въ И. В. Э. О., остальная половина въ сберегательную кассу. На какой срокъ»? Ахъ! любопытный, „День“.

Но развѣ это остроумно? Развѣ находчиво?

И потомъ, какая изумительная заботливость!

Наивный, читатель, (а «День» всегда на такого разсчитываетъ) подумаетъ, что это тайнственное И. В. Э. О., какой-нибудь *Интернатъ Вольнодумныхъ Эго-Огарковъ*, тогда какъ это, не пугайся, читатель!—самое безобидное Императорское Вольно-Экономическое Общество, къ тому же теперь закрытое.

Вдумайтесь, какъ прозрачно намекаетъ авторъ замѣтки на «тяжелый историческій моментъ»; на «тотъ великій европейскій кризисъ», свидѣтелемъ котораго «поставила его (сама) судьба».

«Лишь развеселымъ гусларамъ все нипочемъ»,—съ притворными слезами говоритъ онъ. Но, чего нить?

Если гусларамъ «все нипочемъ», то они и

не трогают этот «европейский кризис», предоставляя «не-гусярам» «вязать кисеты въ мирныхъ окопахъ».

Плохо, однако, вѣрится, чтобы «День» былъ заинтересованъ въ этомъ «историческомъ моментѣ», какой-либо иной стороной, помимо одной: вытрясти какъ можно больше обывательскихъ пятаковъ за тотъ «кормъ», что «подсовываютъ» нетребовательному читателю подъ видомъ живого слова.

«Писать невѣстамъ отъ солдатъ стихи» дѣло не трудное и мнѣ думается, едва ли стоило объ этомъ говорить, особенно газетѣ съ претензіей на прогрессивность.

А если ужъ угодно, то можно опять къ фактамъ. Гусярь отдалъ дань „историческому моменту“ въ видѣ круглой суммы въ 3048 руб. и продолжаетъ „платить“, тогда какъ „День“... кромѣ „зазывно звонкихъ пѣсенъ“—пока ничего. И не страдай онъ „дальтонизмомъ“ и будь порядочнѣе, быть можетъ онъ и не сказалъ бы этого и тѣмъ самымъ не сѣлъ въ галошу.

Вѣдь могла же газета пѣть, 3 мѣсяца назадъ, по другимъ нотамъ. Вспомните слова Антона Крайняго: «Если-бы студенты, продавая журналъ, собирали деньги только въ свою пользу, и тогда мы бы его охотно покупали». Въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ нужды учащихся? Тотъ же „День“ отчаяннѣе всѣхъ кричитъ объ этомъ. Но мы этому, признаться, мало вѣрили, т. к. тутъ дѣло не только въ нуждахъ.

Дѣятельность „Гусляровъ“, даже при „таккомъ подавляющемъ подборѣ благопріятныхъ условий“, не могла бы устрашить газету, будь гусяры эпигоны того-же „Два“. Стоило намъ пріютиться подъ крылышкомъ широкой газеты, спрятаться подъ ея знамя, все-бы пошло, какъ и маслу. Но этого не случилось и не могло случиться. Тогда, кто же виноватъ, что „День“ не можетъ подняться до насъ, а мы—опуститься до Дня“. „День“ безпартийствующій—мы надпартийные; „День“ середина между „правой“ и „лѣвой“—мы верхніе.

Холодные сапоги «Гусляра» помѣстили съ какъ разъ у курчавыхъ висковъ круглолицаго «Дня»—легко видѣть, что точки соприкосновения есть. Само собой—не весьма пріятное со-

сѣдство! Что-жъ—борись! «Счастье въ борьбѣ»!—говоритъ Марксъ...

А мы предпочитаемъ порой «безвольное и безболѣзненное созерцаніе» даже въ экономикѣ.

Все это газета знаетъ, но дѣлаетъ видъ скромной дѣвственницы, погруженной въ свои вышиванья и только, какъ-бы невзначай, бросаетъ: «Цѣль, сама по себѣ, хотя и вполне законная, но безусловно коммерческая», хотя коммерческая цѣль такъ-же «безусловно» законная, и это газетѣ слѣдовало бы помнить.

Газета знаетъ, что журналъ, родившись въ средѣ учащейся молодежи, только вначалѣ имѣлъ характеръ исключительно благотворительный, о чемъ и говорилось въ № 1 за 1914 г.; тогда и продавался онъ безъ отчисления процентовъ, но такихъ любителей продавцевъ, какъ извѣстно, не хватило даже на одинъ первый номеръ, потомъ же, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда идея надпартийности,—идея давно висѣвшая въ воздухѣ—съ тѣми задачами и запросами, суть которыхъ особенно ярко отразилась въ послѣднихъ выпускахъ,—стала воплощаться въ жизнь,—журналъ переросъ узкія рамки благотворительности, ставъ фундаментомъ новыхъ творческихъ устремленій ищущихъ. Однако, не рискуя ударить съ фронта—выражаясь языкомъ времени—газета, забѣжала съ тыла, полагаясь на его меньшую защищенность, но и тутъ понесла тяжелыя потери, въ лицѣ многихъ своихъ интеллигентныхъ читателей, безусловно несогласныхъ съ ея некорректнымъ «выпадомъ» по адресу нашего журнала, и—легкую—въ лицѣ «контуженаго» г. Смѣлина. Нѣкотораго успѣха газета, которую какъ-то привлекли считать свободной отъ лживости и подличанья, достигла.

Она больно задѣла тѣхъ, кто меньше всего виноватъ.

Она задѣла родственныхъ себѣ: массовыхъ.

Большинство же говоритъ такъ. «Неужели имъ сытымъ, кажегся, что «молодые люди въ студенческой формѣ» идутъ продавать журналъ изъ «коммерческихъ» соображеній. Неужели, встрѣчая злобные взгляды сытыхъ невѣждъ или усмѣшки самонадѣянныхъ «воспитателей» съ «подножнаго корма»,—мы испытываемъ какое-то эстетическое наслажденіе?»

«Намъ необходимо жить, учиться, платить за слушанье лекцій».

И газета отчасти попала въ „своихъ“, помѣстивъ замѣтку „Гуслары“.

Она многихъ обидѣла, многихъ задѣла, но несомнѣнно многимъ принесла и пользу, —своей отрицательной стороной сослужила службу. Даже тотъ, кто боялся насъ, будетъ сочувствовать намъ, т. е. „букета“, подобнаго тому, что преподнесъ „День“ своимъ читателямъ замѣткой „Гуслары“, намъ не „собрать“.

И намъ, руководителямъ этой идеи, она также принесла пользу. Во первыхъ, тѣ сомнѣнія, —какія еще могли оставаться у насъ относительно порядочности прогрессивныхъ органовъ печати, въ приемахъ борьбы съ нежелательными направлѣніями, — теперь разсѣялись, какъ дымъ. Теперь намъ ясно и понятно, что и тѣ, которымъ еще многіе вѣрили, считая ихъ честными, идутъ на все, ради поставленной цѣли, а такъ какъ цѣли часто могутъ быть и не достигнуты или дать не

то, что полагалось, то можно себѣ представить тотъ ужасъ—предъ бездной золь, какую на-творятъ „компромиссные вожаки“ съ принципомъ—„валяй кулемъ, потомъ разберемъ“.

Ergo—ошибоченъ и ихъ путь. Ergo—сами мы должны творить. Во вторыхъ, истинные борцы за идею надпартийности сомкнулись тѣснѣй плотнѣе. Произошла фильтровка, ненужный элементъ отшелся самъ собой; зато новыя силы приливаютъ съ каждымъ днемъ. И намъ думается, что близокъ часъ, когда здоровой и свѣжей будетъ вступать въ жизнь молодежь. Не считая нужнымъ говорить на эту тему далѣе, заключаю словами моего коллеги по „Гуслару“ А. Туфанова: газетъ вообще читать не слѣдуетъ, ради гигиены мозга, ибо проходя сквозь реально-эмпирическое въ потусторонній, сверхчувственный міръ лучше, чтобъ впереди было поле чистое.

Антонъ Ковицъ

У Балтійскаго моря.

Вижу край родимый, свѣтлой грусти полный.

На янтарный берегъ набѣгаютъ волны,

на песчаныхъ кручахъ дремлютъ маяки.

Свѣжестью соленой вѣть вѣтеръ съ моря...

Извлекая сѣти, пѣснь труда и горя

заунывной нотой тянутъ рыбаки.—

Набѣгаютъ волны, бѣлый пляжъ лаская...

Берегъ залитъ солнцемъ, а трава морская

въ сокровенной тайнѣ кроетъ янтари.

Возвращаясь къ морю, къ голубой равнинѣ,

волны ихъ забыли въ черной влажной тинѣ;

тамъ они блистаютъ золотомъ зари.

Мѣрно плещутъ волны... словно въ колыбели

мать качаетъ крошку... Зеленѣютъ ели

подъ далекимъ сводомъ голубыхъ небесъ.

На пескѣ чернѣетъ остовъ старой барки,

травы моря сохнутъ въ этотъ полдень жаркій,

и на желтыхъ дюнахъ спитъ сосновый лѣсъ.

Симеонова.

Современная любовь.

Посвящается А. Блоку.

П. Римусь.

(Окончаніе).

Иначе должно обстоять дѣло теперь—при отдѣленіи „физиологій“ отъ „психологій“. Разъ эстетико-психологическіе элементы отняты, такъ сказать, вычтены изъ половой любви, то послѣдняя представляетъ собой для такихъ лицъ—обычный физиологическій актъ и... только...

Ни больше, ни меньше въ принципѣ. Актъ, похожій на пожатіе руки и на различнаго рода физиологическія потребности и отправления. Благодаря этому цѣнность половой любви неизбежно должна пасть. Изъ великаго сокровища—она должна превратиться въ одно изъ неизбежныхъ, хотя, быть можетъ, и пріятныхъ отравленій, въ маленькое „ничто“, тѣмъ болѣе, что теперь сама эта любовь не связана съ вопросомъ о потомствѣ.

Если же это такъ, то отсюда слѣдуетъ, что значеніе половой „измѣны“—должно постепенно падать. Какъ это ни покажется страннымъ, но и теперь уже при „измѣнѣ“, едва ли не рѣшающую роль играетъ „психическая“ измѣна, предпочтеніе одного индивида другому безъ физиологической измѣны. И теперь уже въ такъ называемыхъ интеллигентныхъ кругахъ измѣной начинаютъ считать не столько половое общеніе, сколько то, что другого индивида находятъ лучшимъ, болѣе талантливымъ, красивымъ, даровитымъ и т. д.. Иными словамъ, центр тяжести перемѣщается на психическія струны и соотвѣтственно съ этимъ измѣняется сама природа ревности. Теперь для ревности уже не нужно физиологической измѣны. Встарину, напр., въ средніе вѣка рыцари и бароны считали, что все обстоитъ благополучно, если жена не могла из-

мѣнить физиологически. Пусть она любитъ другого,—пажа, трубадура, рыцаря и др., это не важно. Важно, чтобы она не могла „измѣнить“. А для того, чтобы этого не могло быть, они, отправляясь изъ дому, надѣвали на чресла жены особый поясъ, запирали его на замокъ, ключъ брали себѣ и если „запоръ“ оставался цѣлымъ по возвращеніи, считали, что все обстоитъ хорошо. Теперь дѣло обстоитъ иначе. Достаточно простого заявленія, что супругъ любитъ другого, что другой лучше, достаточно взгляда, улыбки, простого намека—чтобы ревность могла возникнуть безъ всякой половой измѣны. Мало того, послѣдняя даже можетъ имѣть мѣсто, но разъ „психически“ возлюбленный-ая принадлежать другъ другу и находятъ другъ друга лучшими—ревности можетъ и не быть. Говоря коротко, въ силу очерченныхъ причинъ—„сама ревность психизируется“. Раньше она возникала благодаря или предпочтенію одного „самца“ другому (или самки), теперь она возникаетъ благодаря предпочтенію одного чело вѣка другому, при чемъ можетъ имѣть мѣсто первое и, однако, ревности можетъ и не быть, т. к. предпочтеніе самца не всегда означаетъ теперь предпочтеніе чело вѣка. Сама же по себѣ половая близость, разъ изъ нея вычеркнуты психическіе элементы любви—становится вещь безцѣнной или малоцѣнной, и потому не должна вызывать ни трагедій, ни тѣхъ надрывовъ которые она вызывала до сихъ поръ.

Слѣдовательно, однимъ изъ слѣдствій вышеуказанныхъ положеній является обезцѣненіе физиологической любви. Это обезцѣненіе влечетъ за собой радикальное измѣненіе во взглядахъ на „из-

мѣну“ и на „вѣрность“ въ любви. А послѣднее, въ свою очередь, вызываетъ постепенное превращеніе ревности изъ фізіологической въ психическую.

Теперь взглянемъ на обратную суть дѣла. Разъ половая любовь отлична отъ другой любви, и разъ она сама по себѣ начинаетъ цѣниться ниже и ниже, то и „серьезное отношеніе“ къ ей постепенно исчезаетъ. Люди какъ бы разсуждаютъ: данная потребность есть, удовлетвореніе ея есть просто удовлетвореніе одной изъ фізіологическихъ потребностей и ничего особенно цѣннаго не представляетъ. Слѣдовательно, важно лишь ее удовлетворить; гдѣ и какъ—безразлично, т. к. половая близость еще вовсе не есть и не означаетъ „подлинную“ любовь того, что два „я“ отдаваясь всецѣло другъ другу, становятся единымъ „я“. Отсюда,—„ресторанная любовь“, отсюда—тотъ парадоксъ, съ котораго я началъ мою статью, отсюда,—то кажущееся противорѣчіе, то совмѣщеніе „идеала и одѣяла“, „идеальной и ресторанной любви, Беатриче и Мессалины“, которое такъ рѣзко наблюдается въ современной любви. Потребность есть. Удовлетвореніе ея—одно изъ фізіологическихъ отправления. Для этого годны многія женщины, которыя то же хотятъ этого, а потому—люди бродятъ по ресторанамъ, по кафе, по салонамъ, по будуарамъ, сходятся сегодня съ одной, завтра съ другой, потомъ съ третьей и т. д. Сходятся и расходятся, завязываютъ связи и распутываютъ ихъ легче и легче, не зная и даже не пытаясь знать внутренній міръ, душу, „я“ своихъ любовницъ и любовниковъ. Однимъ словомъ, пышный расцвѣтъ „ресторанной“ любви въ наши дни (въ вышеуказанномъ смыслѣ) есть результатъ обезцѣненія въ глазахъ современнаго об-ва индивидуума фізіологической любви; это обезцѣненіе въ свою очередь является результатомъ отдѣленія любви—обожанія, культа Беатриче, отъ любви фізіологической (ресторанной); а это

раздѣленіе само есть слѣдствіе эстетической эволюціи чловѣка, подчиненной какъ и все, закону дифференціаціи. Такова причинная цѣпь явленій.

3) Но пойдемъ еще дальше. Посмотримъ, насколько удовлетворяется потребность иной любви—культа Прекрасной Женственности—и какіе эффекты вызываетъ она въ обществѣ и въ семьѣ?

Какъ я уже сказалъ—эта любовь, чтобы существовать, требуетъ романтизма, мистичности и иллюзій—проэцированія на избранную Беатриче всего прекраснаго и совершеннаго. Только при этомъ условіи можетъ быть любовь—„Радость-Страданье“. Малосовершенное существо не можетъ вызвать такую любовь. Если кто-нибудь видитъ въ возлюбленной-мъ—обычную женщину, (мужчину) со всѣми ея (его) недостатками—такая женщина (мужчина) не вызываетъ любви—обожанія.

Въ этой любви неизбеженъ „васъ возвышающій обманъ“. При „тѣмъ низкихъ истинъ“ и любовь такая невозможна. Если избранное существо реально не обладаетъ совершенствомъ—призывается (обычно безсознательно) на помощь иллюзія, превращающая „бабу“ въ Дульцинею—святую, нетлѣнную, неприкосновенную, воплощенницу живой красоты.

Но... къ несчастью теперь трудно думать, чтобы кто-нибудь могъ быть такимъ совершенствомъ. Съ другой стороны—иллюзіи быстро разлетаются, ихъ хватаетъ не надолго. И въ итогѣ мы получаемъ ту характерную для насъ черту которую называютъ „влюбленностью“. По существу любви теперь нѣтъ. Любовь, какъ нѣчто длительное, любовь „по гробъ жизни“—исчезла и замѣнилась „влюбленностью и увлеченіемъ“, капризными дѣтьми, мгновенными, прихотливыми и непостоянными. Каждый изъ насъ ищетъ всю жизнь одну Прекрасную Даму, одну Беатриче, — *Lumen coeli Sancta Rosa*; готовъ отдать ей все, всего и навсегда. Но, увы! Мы ищемъ, и не находимъ, хотимъ подняться и не можемъ. Сколько разъ мы, думали, что нашли! И однако?—Иллюзіи таяли и Беатриче превращалась въ обычную женщину.

Кто не клялся въ жизни любить по гробъ, вѣчно?—И кто не убѣждался, что это ложь. И когда передъ нами появляется новое лицо—мы уже, какъ старики, какъ наученные горькимъ опытомъ, не вѣримъ, или вѣримъ мало въ то, что мы нашли свою Беатриче, свою Прекрасную Даму.

Нашъ горькій опытъ намъ шепчетъ, что и эта

„Любовь пройдетъ какъ снѣгъ.
О, развѣ, развѣ клясться надо
Въ старинной вѣрности навѣкъ?
Нѣтъ, я не первую ласкаю,
И въ строгой четкости моей
Уже въ покорность не играю
И царствъ не требую у ней“...

Увы! Мы такъ много разъ требовали царствъ и такъ много разъ ошибались, что наша вѣра исчезла; ее хватается лишь на моменты, на мгновения, на „влюбленность“. Идемъ по тротуару и жадно смотримъ въ лица. Проходятъ мимо сотни лицъ. Мелькнетъ красивая улыбка, сверкнетъ красивый взглядъ, неизвѣстный, незнакомый. „Быть можетъ она“?.. и на минуту влюбленъ. На минуту нашелъ Даму,—на минуту хватается иллюзій.—Проплываетъ новое лицо—и... старое забыто; новая Дама и новая влюбленность. Новая минутная или часовая иллюзія... Пройдетъ часъ—день—и иллюзія такъ же быстро исчезаетъ, какъ и возникла... И такъ всю жизнь! Всю жизнь мы ищемъ свою Даму. И увь!—не находимъ ее. А такъ какъ безъ нея жить не можемъ, то мы на минуту превращаемъ въ нее незнакомкѣ, въ которыхъ конечно такъ же быстро разочаровываемся, какъ и влюбляемся.

Помните „Балаганчикъ“ Блока? Помните Пьеро, прекрасная Дама котораго сказала въ концѣ-концовъ „Картонной невѣстой“? Каждый изъ насъ—тотъ же Пьеро. И для каждаго изъ насъ тысячи казались сперва Беатриче, а потомъ оказывались „картонной невѣстой.“ Какъ и онъ мы можемъ сказать:

Упала она (наша Дама)—изъ картона была,—
А я надъ ней (да и надъ собой) смѣяться
пришелъ.
Она лежала ничкомъ и бѣла.
Ахъ, наша пляска была весела!
А встать она ужъ никакъ не
могла:
Она картонной невѣстой была.

И вотъ, стою я, блѣденъ лицомъ,
Но Вамъ надо мной смѣяться грѣшно.
Что дѣлать? Она упала ничкомъ...
Мнѣ очень грустно... А Вамъ смѣшно?..

Грустно, очень грустно. Но это такъ. Въ этомъ трагедія, въ этомъ надрывъ современнаго культа Мадонны...

Нашъ скепсисъ и критицизмъ губятъ насъ и тянутъ на землю отъ вершинъ иллюзій. Мы ищемъ и не находимъ. А потому—становимся весьма непостоянными, влюбляемся лишь на моменты; ибо иллюзій хватается лишь на столько. Таковы именно источники современной влюбленности, современнаго непостоянства и мимолетности чувства.

Стремясь найти Ее, говоря грубо, пытаюсь удовлетворить потребность нашего культа Беатриче, культа самой любви, мы вглядываемся въ тысячи лицъ, многихъ изъ нихъ на минуту принимаемъ за нашу Даму... и черезъ минуту превращаемъ въ „Картонную невѣсту“.

Въ этомъ колебаніи отъ Беатриче къ „картонной невѣстѣ“ и заключается ритмъ этой любви, отдѣлившейся отъ физиологіи... Минутами вспыхиваетъ надежда и радость. Минутами кажется, что

„Владычицей Вселенной
Красоты неизрѣченной...
Я, случайный, бѣдный, тлѣнный,
Можетъ быть, любимъ“...

Но проходитъ минута. Иллюзія таетъ. Въмѣсто „Владычицы“ — „разбитое корыто“. И мы снова

„Идемъ путемъ—дорогой,
Тягостнымъ путемъ“.

до новой встрѣчи, до новой иллюзій! Придетъ она... и снова повторяется та же вѣчная исторія.

Таковъ трагизмъ культа Беатриче!

Резюмирую все предыдущее:

въ современной любви Беатриче отдѣлилась отъ Мессалины, культъ любви—отъ физиологіи. Пути ихъ разные и дороги разные.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше они будутъ расходиться, не умирая и не убивая другъ друга.

Но найдут ли люди будущую свою Мадонну, не иллюзорную, а реальную? Утолять ли они эту вѣчную жажду? Не знаю... Думаю, что нѣтъ... Да быть может и не нужно этого находенія.

Быть может лучшее утоленіе—это вѣчно искать и не находить.

Римусъ.

Символическое творчество и любовь.

А. Туфановъ.

(Окончаніе *).

Эллисъ такъ опредѣляетъ значеніе книги „Будемъ какъ солнце“.

„Въ ней поэтъ окончательно находитъ свой путь, путь экстагическаго проникновенія въ душу міра, въ сущность мірозданія, окончательное оправданіе всего многообразія вселенной, великое „Да“, котораго онъ мучительно-тщетно искалъ всю жизнь.

„Во-вторыхъ, эта книга представляетъ собою великую систему символовъ, и самъ поэтъ называетъ ее „Книгой символовъ“. Въ ней впервые всѣ явленія, вещи и образы, утрачиваютъ свое непосредственное эмпирическое значеніе и взаи́мнѣ пріобрѣтаютъ иное, болѣе глубокое, таинственное значеніе, струясь какъ бы снопомъ безчисленныхъ лучей, исходящихъ изъ единаго источника, Великаго Символа-Солнца“.

Въ стихотвореніи „Я въ этотъ міръ пришелъ“ онъ молится Солнцу, какъ обрѣвшій свой путь, свое отношеніе къ Вселенной; въ другомъ „Будемъ какъ солнце“—въ солнечномъ изгнѣплени уже сливается съ своимъ божествомъ.

Андрей Вѣлый посвятилъ тогда К. Бальмонту—автору „Будемъ какъ солнце“ стихотвореніе:

„Солнцемъ сердце зажжено,

„Солнце къ вѣчному стремительность.

„Солнце—вѣчное окно

„Въ золотую ослѣпительность.

„Роза въ золотѣ кудрей.

„Роза иѣжно колыхается.

„Въ розахъ золото лучей

„Краснымъ жаромъ разгорается.

„Въ сердцѣ бѣдномъ много зла
„Сожжено и перемолото.
„Наши души—зеркала,
„Отражающія золото“. (Сборн. „Золото въ лазурі“).

Этимъ стихотвореніемъ я нахожу возможнымъ закончить обзоръ лирики Бальмонта. Души Бальмонта, Брюсова и А. Вѣлаго—зеркала, отражающія золото. Ставить ихъ рядомъ съ Арцыбашевымъ, Купринымъ и др.—это значитъ не понимать символической поэзіи.

Остается еще остановиться на Вал. Брюсовѣ, котораго обвиняютъ и обвиняли въ „проповѣди“ (?) сладострастія критики—муравьи современной морали съ ея близорукимъ сужденіемъ о томъ, о чемъ говорится, а не о томъ, какъ это „что“ трактуется въ произведеніи.

„Сладострастіе: для черни медленный огонь, для всякаго червиваго дерева, для всякой зловонной тряпки—клокочущая печь... „Сладострастіе для свободныхъ душъ—невинное и свободное, земной рай, избытокъ благодарности будущаго настоящему“... „Сладострастіе: лишь для завядшаго—сладкій ядъ, но для тѣхъ, кто одаренъ львиной волей—великое подкрѣпленіе сердца и благоговѣнно сберегаемое вино винъ... великое подобіе счастья для высшаго счастья и высшей надежды“... „Сладострастіе... Однако я хочу оградить мои мысли и даже слова, чтобы въ сады мои не пробрались свиньи и гуляки“.

Такъ говорилъ Заратустра.

Посмотримъ, какъ же В. Брюсовъ въ своихъ произведеніяхъ подходитъ къ Страсти. Беру

*) См. № 5 „Сѣвернаго Гуслера“.

образцы изъ четырехъ его книгъ: „Tertia vigilia“, „Urbi et orbi“, „Вънокъ“ и „Всѣ напѣвы“.

Для поэта страсть—прежде всего священное вино „изъ чаши длительно-сжигающей“, чтобъ

„Признавъ въ душѣ, на встрѣчу кинутый,
„Сны потаенные свои,
„Увидѣть небосводъ раздвинутый
„Завѣтной радугой любви“;

чтобъ, задрожавъ на крыльяхъ страсти, съ томительной и о с н ѣ ш н о с т ь ю всѣмъ существомъ вливать высь („Въ полдень“, отдѣлъ „И з ѣ а д а и з в е д е н н ы е“).

Страсть — „великое подкрѣпленіе сердца и благоговѣнно сберегаемое вино вина“ для вѣчно юнаго, прекраснаго Антонія.

„Побѣдный лавръ, и скиптръ вселенной,
„И ратей пролиту кровью
„Ты бросилъ на вѣсы, надменный,
„И перевѣсила любовь.
„Когда вершились судьбы міра
„Среди вспѣвающихъ боемъ струй—
„Вънецъ и пурпуръ триумвира
„Ты промѣнялъ на поцѣлуй“... („А н т о н і й“).

Она—при мимолетныхъ встрѣчахъ для отбѣненія возможности невозможныхъ сновъ („Прохожей“), а также и для переживанія ея всей, цѣликомъ, такъ въ другомъ стихотвореніи „Встрѣча“ онъ говоритъ о другой мимолетной встрѣчѣ „на гулкихъ улицахъ столицъ“, когда двое только на мгновенье у одной черты, за которымъ ея мечта уже съ другимъ, а онъ?..

„Но развѣ страсть не вся испытана,
„Не вся любовь пережита?“.

Для него въ любви всего плѣнительнѣе не ласки, не сліяніе, а „безсильныя грезы ненужной любви“, не тѣло и не душа, а звуки ея имени:

„По аллеѣ прошла ты и скрылась...
„Я дождался желанной зари.
„И туманная грусть озарилась
„Серебристою ризою Маріи“.

Въ душѣ поэта отрѣшенной мечты и страсть отрѣшенная:

„Ты въ зеркалѣ еще безгрѣшнѣй,
„Прижмись ко мнѣ,
„Но какъ рѣшить, что въ жизни внѣшней
„И что во снѣ?“ („У з е р к а л а“).

А дальше, не зная имени, обращается къ ней: „иль можетъ, все въ мгновенной смѣнѣ, и нѣтъ имени, и мы съ тобой летимъ какъ тѣни, какъ чей-то сонъ?“

Его страсть—ночное солнце Сириусъ, палящій цвѣты холоднымъ взоромъ съ высоты (См. сборникъ „Urbi et orbi“); любовь—черная туча съ даромъ „таинственныхъ высотъ“.

„Въ любви душа вскрывается до дна,
„Яснѣетъ въ ней святая глубина,
„Гдѣ все единственно и неслучайно“.

И каждая душа манитъ вновь безвѣстной тайной („Донъ-Жуанъ“), какъ новый міръ, съ котораго поэтъ срываетъ одежды, чтобы прійти только къ выводу: „И въ самой страсти мы одни“ („Одиночество“).

Страсть — это возможность новой сказки, „новаго сна Эдгара“ („Въ отвѣтъ на одно признаніе“ см. въ сборн. „Зеркало тѣней“). Сладострастіе—жребій, „означенный черной чертой“ и вынутый душой омраченной и прощающей:

„За то, что всѣмъ томленьямъ, всѣмъ
страданьямъ
„Меня обречь умѣла только ты“.

Сладострастіе—сонъ, во время котораго сама женщина вводитъ поэта въ міръ реальный

„Любовь приводитъ къ одному,
„Вы, любящіе, вѣрьте!
„Сквозь скорбь и радость, свѣтъ и тьму
„Къ блаженно-страстной смерти“.

Именно с к в о з ь, сквозь реально-эмпирическое въ сверхчувственное, Истинно-сущее, вотъ почему для него „Южный Крестъ, мерцающій въ туманѣ, залогъ, „что я—не завершилъ скитаній, что впереди—послѣдняя любовь“.

Изъ всѣхъ приведенныхъ иллюстрацій видно, что страсть въ изображеніи Брюсова—не во имя развлеченія, смакованія и пр. пошлыхъ цѣлей „гулякъ и свиней“, вломившихся „въ золотые сады Эротики“; въ ней нѣтъ двусмысленности, неоткровенности, трусливости—характерныхъ для пошлости. Она — чаще всего пытка, борьба, крестъ; отравленный ядомъ проституціи для него погибшій отверженецъ.

А когда умолкаетъ звонъ страсти, поэтъ въ торжественно-мистическомъ служеніи любви пи-

жетъ: „Въ Дамаскъ“, „Тайство ночей“, „Къ
близкой“ и „Мгновенія“. Въ концѣ книги „Всѣ
напѣвы“ есть стихотвореніе „О правданіе
земного“, вотъ его характерное заключеніе:

Ангель.

„Познаешь, кинь въ міръ случайный,
„Какъ сожигаетъ полнота.

Поэтъ,

„Но для меня въ любви всѣ тайны,
„Въ одномъ лицѣ—вся красота“.

Какъ для Бальмонта въ идеалѣ прекрасной
влюбленности, а для Брюсова въ идеѣ жертвен-
наго достиженія—этическое самоопредѣленіе, такъ
этическое самоопредѣленіе для Андрея Вѣлаго въ
культѣ священной любви. Основная тема Сим-
фоній А. Вѣлаго—созерцаніе Лица Вѣчно-Жен-
ственного, предощущеніе священной любви, какъ
ее предощущали еще раньше Платонъ, Гете,
Данте.

Со времени Эдгара По, родоначальника сим-
волизма, мы ушли далеко, но его мысли о поэзии
для насъ звучатъ священнымъ завѣщаніемъ. По-
этому я заканчиваю рефератъ его словами, въ кото-
рыхъ нѣтъ и не могло быть нашей утонченно-
сложной формы отношеній къ женщинѣ, а есть
только какъ бы чистое ядро этихъ отношеній
безъ послѣдующихъ напластованій.

„Мы достигаемъ, писалъ Эдгаръ По, однако
болѣе непосредственно вполне отчетливаго пред-
ставленія о томъ, что есть истинная поэзія, про-
стымъ указаніемъ на нѣкоторыя обыкновенныя
явленія, вызывающія въ поэтѣ истинно поэтиче-
ское впечатлѣніе. Онъ признаетъ амброзію, пи-
тающую его душу, въ блестящихъ свѣтилахъ,

КОГДА-ТО...

Рвалось сердце въ безумномъ экстазѣ,
Пѣли сны...
Гіацинтъ въ майоликовой вазѣ
Ждалъ весны.
А въ небѣ лазорево-палевомъ
Ночь плыла.
Мысль окутала мглой вуалевой

которыя сіяютъ на небѣ, въ завиткахъ цвѣтка,
въ гроздеобразномъ скопленіи низкихъ кустарни-
ковъ, въ колыханіи нивъ, въ косвенномъ уклонѣ
высокихъ восточныхъ деревьевъ, въ голубыхъ
даляхъ горъ, въ группировкѣ облаковъ, въ мер-
цавіи полусокрытыхъ источниковъ, въ сверканіи
серебряныхъ рѣкъ, въ спокойствіи глухихъ озеръ,
въ отражающихъ звѣзды глубинахъ уединенныхъ
водоемовъ. Онъ воспринимаетъ ее въ пѣвнѣ
птицъ, въ Золовой арфѣ, во вздохахъ ночного
вѣтра, въ сѣтующемъ ропотѣ лѣса, въ бурунѣ
бьющемся о берегъ съ жалобой, въ свѣжемъ
дыханіи лѣсовъ, въ запахѣ фіалки, въ чувстви-
тельномъ ароматѣ гіацинта, въ исполненномъ наме-
ковъ ароматѣ, который доходитъ до него на
вечерней волнѣ съ отдаленныхъ, неоткрытыхъ
острововъ, чрезъ пространство дымныхъ океа-
новъ, безграничныхъ, неизслѣдованныхъ. Онъ
владеетъ ею во всѣхъ благородныхъ мысляхъ, во
всѣхъ немірскихъ побужденіяхъ, во всѣхъ свя-
щенныхъ порывахъ, во всѣхъ рыцарскихъ, вели-
кодушныхъ, исполненныхъ жертвы, дѣяніяхъ. Онъ
чувствуетъ ее въ красотѣ женщины, въ граціи
ея походки, въ блескѣ ея глазъ, въ мелодіи ея
голоса, въ ея нѣжномъ смѣхѣ, въ ея вздохѣ, въ
гармоническомъ шелестѣ ея платья. Онъ глубоко
чувствуетъ ее въ притягательномъ ея очарованіи,
въ ея пламенномъ энтузіазмѣ, въ ея нѣжномъ
милосердіи, въ ея мягкомъ и благоговѣйномъ тер-
пѣннѣ; но больше всего, о, безмѣрно больше всего,
онъ предъ нея передъ ней, онъ молится ей
въ вѣѣ, въ чистотѣ, въ силѣ, во всемъ боже-
ственномъ величіи ея любви“.

А. Туфановъ.

И звала...

Замолчалъ изумившійся разумъ

И затихъ.

Сердце, сердце звенѣло въ экстазѣ,

Какъ мой стихъ...

С. Раевская.

Впечатлѣнія литературы и жизни.

Фактопоклонство въ современной литературѣ.

Клавдій Прудовскій.

Одной изъ отличительныхъ чертъ, переживаемой нами эпохи, является неестественно быстрый уклонъ въ сторону умозрительной философіи, уклонъ, совершающійся вопреки завоеваніямъ и побѣдамъ, достигнутымъ за послѣднее время человѣчествомъ, представляющихъ самыя лучшія условія для расцвѣта точнаго знанія и здоровыхъ началъ позитивизма. Но ни завоеваніе техники, ни завоеваніе точныхъ наукъ, ни экспериментальный методъ не помогли позитивизму и, вмѣсто расцвѣта послѣдняго, передъ нами расцвѣтъ религіозныхъ исканій, метафизика въ области философіи, неовиталистическія теченія въ области біологіи. Мысль какъ бы переживаетъ моментъ раздумья. Романтизмъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ большее количество поклонниковъ. Причина подобнаго переворота міровоззрѣнія, позволившая такъ пышно распуститься цвѣтку романтической философіи послѣднихъ дней, кроется въ раздробленности современной жизни, въ ея атомизмѣ. Нѣтъ въ этой жизни, какъ говоритъ Бергсонъ, „длительности“. Въ ней много и утѣхъ, и радостей, и скорбей, но нѣтъ сильной могучей струи внутренней единственности и подлинности переживаній. Современная жизнь,—жизнь внѣшняго чувства. Жизнь современнаго человѣка—неисчерпаемое поле воспріятій. Внутренняго „я“, какъ бы не существуетъ. Современная жизнь—это жизнь отдѣльныхъ, не связанныхъ единствомъ и послѣдовательностью миговъ. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является гигантскій ростъ матеріальной культуры, сущность которой заключается въ удобно-изящномъ, удобно-комфортабельномъ.

Всѣ силы человѣчества направлены на удовлетвореніе ненасытнаго фетиша—вещности. Но фактопоклонство никогда не достигаетъ кульминаціонной точки своего развитія, неся въ са-

момъ себѣ реакцію. Эта реакція отражается яркой борьбой точныхъ наукъ съ романтической философіей, являющейся крайностью въ реакціи фактопоклонству. Наличие подобной борьбы доказываетъ уже, что современнѣе человекъ переживаетъ и отчасти уже пережилъ культъ фактопоклонства, культъ внѣшней культуры. И если къ его переживаніямъ, къ его борьбѣ становится глуха литература, если онъ чуждъ для нея, если ни онъ, ни она не понимаютъ другъ друга, то зависитъ это не отъ бездарности представителей литературы, а отъ того или иного отклоненія отъ сущности творчества. Почему, въ самомъ дѣлѣ, литература русская, сильная духомъ руководствомъ, литература, какъ эхо общественныхъ настроеній, сдѣлалась какимъ-то пятномъ, безсильная, безцвѣтная, никого не волнующая, не мучающая, не усаждающая? Повторяю, причина упадка лежитъ глубоко въ творчествѣ современнаго писателя, какъ генія и писателя, какъ представителя „жизни разрозненныхъ миговъ“. Вѣдь имена Пушкина, Тургенева, Достоевскаго и др. для насъ были не только имена писателей, какъ таковыхъ, но писателей гениевъ, писателей-фотографовъ нашего духа. Но что такое гений? Какова основа, или, вѣрнѣе, сущность творчества гениальнаго творца. Вопросъ этотъ за послѣднее время у насъ былъ разработанъ отчасти Степуномъ. Но основныя положенія его разработки не расходятся съ выводами Шеллинга. Шеллингъ опредѣляетъ природу генія, какъ отождествленіе субъективнаго начала съ началомъ объективнымъ. „Персонифицированная природа и обуреваемый стихіею духъ—вотъ два полюса въ своей послѣдней глубинѣ абсолютно единаго и нераздѣльнаго начала гениальности. Гениальность поэгому есть полное сліяніе личности съ міромъ. Въ этомъ

сліяніи не преобладаєть ни міръ, ни личность. Повинуясь самому себѣ, геній непрестанно уходитъ отъ самого себя. Его творчество основано на двухъ началахъ—на сверхъ-личномъ значеніи художника, какъ твореніи Божіемъ и на его личномъ самоутвержденіи. Личность художника должна быть вполнѣ подчинена міру, талантъ-же его долженъ быть свободенъ. Онъ долженъ жить въ своемъ твореніи, говорить Флоберъ, какъ Богъ во вселенной—вездѣсущій и невидимый. Такова сущность творчества генія. На самомъ-же дѣлѣ въ природѣ творчества непрестанно замѣтны отклоненія то въ ту, то въ другую сторону. Эти отклоненія можно свести къ двумъ большимъ группамъ—искаженія сущности геніальнаго творчества, нарушенія его внѣшней нормы:—объективистическое и субъективистическое. При объективистическомъ искаженіи художникъ живетъ жизнью внѣ себя. Онъ отрицаетъ личное начало, жизнь для себя. Старательно заглушая внутренній голосъ, онъ прислушивается лишь къ голосу извнѣ. Это писатель-педагогъ, писатель-этикъ, писатель-трибуналъ. Это прежде всего человекъ, живущій чужой жизнью. Его интересуєть объектъ, лежащій внѣ интереса къ его личности. Жутко смотрѣть на эти тонкія, нѣжныя организаціи такъ сильно реагирующія на всѣ впечатлѣнія бытія. Онѣ рѣдко находятся въ спокойномъ состояніи. Жизнь внѣ себя дѣлаєть ихъ особенно чуткими „къ несправедливости жизни“. Чужая боль и невзгода является ихъ собственной. Они прекрасны эти люди, но мы не можемъ даже мечтать, чтобы ихъ было больше: слишкомъ больно жить имъ на свѣтѣ, слишкомъ тяжело страдаютъ ихъ обнаженные нервы.

Всматриваясь въ представителей объективистического нарушенія сущности геніальнаго творчества, невольно припоминаешь Лермонтовское четверостишіе:

„Творецъ изъ чистаго эфира
Соткаль живыя струны ихъ“...

Но вдругъ останавливаешься, чувствуя, что дальше продолжать нельзя:

„Они не созданы для міра
И міръ былъ созданъ не для нихъ“...

Нѣтъ, эти мученики жизни такъ связаны съ міромъ, что бессильны порвать нить жизни, уйти отъ страданій. Они какъ бы ищутъ страданій, они всегда на людяхъ: Русская литература развилась и воспиталась на этихъ типахъ. Но едва-ли не самымъ яркимъ представителемъ этого воззрѣнія на сущность художественнаго творчества являются у насъ Глѣбъ Успенскій и Гаршинъ. Далѣе слѣдуютъ Помяловскій, Рѣшетниковъ и др. Естественно, что при подобномъ взглядѣ искажается и внутренняя сущность объективности—она переходитъ на внѣшность.

Второе отклоненіе отъ сущности геніальнаго творчества заключается въ обратной крайности,—отрицаніи объективнаго начала и признаніи „жизни для себя“. Въ этомъ отклоненіи дарованіе писателя, его творчество, повинуется лишь голосу субъективнаго начала и, теряя связь съ объективностью общечеловѣческихъ идеаловъ, блѣднѣетъ и туснеетъ въ многообразіи жизненныхъ явленій и задачъ.

Субъективизмъ въ этомъ случаѣ не достигаетъ до чистыхъ задачъ индивидуализма и виситъ между индивидуализмомъ и общественностью, какъ что то пенужное, беспочвенное, безличное и до крайности безпринципное. Такое отклоненіе отъ высшей нормы творчества и переживаетъ въ настоящій моментъ русская литература.

Современный писатель пораженъ многообразіемъ жизненныхъ явленій, какъ слѣдствіемъ гигантскаго развитія матеріальной культуры и вещепоклонства общества; онъ задыхается отъ этого многообразія и, неспособный найти точку опоры въ водоротѣ идей, интересуєть всѣмъ. Творчество падаетъ—ибо отсутствуетъ созерцаніе. Его замѣняетъ списываніе. Начинается погоня за фактомъ, но факты эти сухи, безжизненны, непонятны въ своей разорванности. На сцену выползають черти, русскіе доморощенные черти съ отвислыми жилами, неимоверно горбатымъ носомъ и предлиннымъ крючковатымъ хвостомъ, точь въ точь съ такимъ, какой бываетъ у таксы, когда та въ ожиданіи подачи умиленно смотритъ въ физиономію хозяйки. За чертомъ лѣзетъ эротизмъ, пошленькій, маленькій, блѣдненькій подъ руку съ порнографіей и распускающій слюни отъ ея пошлыхъ анекдотиковъ. Какъ бы скрывая

внутреннюю пустоту своих творений, творец современности забывает голову читателя детально описаний. Становится душно от подобных писаний, чувствуется их ненужность, преступность появления на свет Божий. И эта „ненужность“ современного творчества, его языческое преклонение перед фактом, в корень искажающем сущность художественного творчества, ибо в данном случае не художник владеет над творением (фактом), а творение над ним, ярко отражается на читателе. Для него литература наших дней непроизводительный расход времени. Она не дает ему ничего, наполняя его душу такой-же безпринципностью, как безпринципна она сама. Читатель подавлен этой безпринципностью и естественно, что он отшатнулся от ее представителей. И раньше незамеченная грань, разъединившая писателя и чи-

тателя, стала пропастью. Мостом через нее может быть, если не гениальность (ибо гении не растут как грибы после теплого дождя), то медленное приближение к ней, стремление идти по ее пути. Для этого необходима неустанная работа над талантом, безпрестанное прислушивание к внутреннему голосу, необходимо соединение таланта с идейностью, воплощение ее в форму и образ. Необходима способность не только воспринимать, ощущать и мыслить, но и страстно и цельно чувствовать и страдать в самом процессе творчества или, что одно и то же, быть Богом в своем творении вседущим и невидимым. А этого то и нет в представителях нашей современной литературы.

Клавдий Прудовский.

Весеннее.

Вновь небо одето парчой голубой
И даль его манить, влечет за собой.
Вновь в воздух пряный разлит аромат,
В крови моей снова дурманящий яд—
Я снова отравлен, измучен, влюблен...
В кого? Я не знаю... Томительный сон!
Весна обещает безмерность чудес,
Томится любовью и полем и лесом...
И ветер, и птицы поют про любовь...
О, древняя сказка! О, вечная новь!
Природа и люди в любовном бреду...
Я нгой расслаблен, нет воли к труду!
Нет силы уйти из безумного сна—
Мне сердце загла поцелуем Весна.
Мгновенье лобзания... И прочь унеслась,
И манит теперь за собою, смеясь
В безвестную, лживую, чудную даль...
В глазах ее нежность и страсть и печаль.
Стремление бессильно, томление в груди...
О, сон! О, Весна! О, Кошмар! Отойди!

Горбачевъ.

Чуточку о новой личности, какъ я ее понимаю и о старой школѣ, какъ я ее знаю.

Василій Яшинъ.

Когда-то индивидуальность съ легкимъ сердцемъ приносили въ жертву общественности и это жертвоприношеніе казалось въ порядкѣ вещей. Оно не вызывало, да и не могло вызвать протеста со стороны личности, слабой и психически плохо еще дифференцированной. Но «золотой» вѣкъ кандалной гражданственности миновалъ безвозвратно, и нужно отнести за счетъ неосознаннаго пережитка стараго суевѣрія, если сравнительно недавно, вырабатывая программу дѣйствій, находили возможнымъ принимать въ расчетъ, а, слѣдовательно, считали, законною, такую величину, какъ «наименьшая сумма страданій». Моральная цѣнность счастья, купленнаго чѣмъ-либо страданіемъ, очень невысока, даже скорѣе отрицательна. Было бы кощунствомъ обратить въ свое средство чужое страданіе. Оно свято, оно необходимо—правосудно, поскольку въ немъ предлагается этический элементъ. Въ подтвержденіе можно указать на мѣсто, отведенное страданію религіознымъ сознаніемъ.

На его долю выпадаетъ возстановленіе равновѣсія во вселенной, нарушеннаго борьбою Ормузда и Аримана, оно именно является орудіемъ въ этой борьбѣ Божественнаго начала съ Вѣчнымъ Зломъ. Только страданіе, простое людское страданіе, искупило грѣхи всего міра, и вѣчная религія Сына Человѣческаго есть также и культъ страданія. Связь между грѣхомъ и страданіемъ человѣчество возвело въ причинную: за преступленіемъ должно слѣдовать наказаніе, и, какъ бы крѣпя эту связь, величайшій изъ геніевъ, Достоевскій, раскрылъ передъ нами мятущуюся душу Раскольникова. Цѣна страданія—цѣна крови, и счастье, купленное этою цѣною—счастье Іуды...

Для насъ кажется единственно возможнымъ и единственно приемлемымъ слѣдующее положеніе. Нѣтъ и не должно быть личности, рожденной, чтобъ «унавозить кому-то будущую гармонию». Въ новой общественности личность себѣдовлѣющая, самоправна и свободна, тогда какъ въ прежней она была связана стадностью, возведенною въ принципъ,—принципированной стадностью. Она представлялась неоформленной частью какого-то цѣлаго, напоминающаго химическое соединеніе, въ которомъ всѣ соединившіеся реагенты-личности потеряли свои характерныя отличія, на мѣсто чего выступили совершенно особенныя свойства соединенія, ибо у толпы, у стада, есть и своя логика и своя психологія. Партийныя цѣнности, созданныя для толпы, соотнесены къ сомнительной мѣркѣ. Было бы лучше, если бы личность, подходя къ явленію, утвердила за собою право на переоцѣнку всѣхъ цѣнностей, исходя изъ своего собственнаго критерія. Въ этомъ смыслѣ она самоправна и не партийна. Но она и не безпартийна, не пассивна. Она не только отвергла партийную оцѣнку, но и переоцѣниваетъ цѣнности, творитъ новыя цѣнности, удерживаетъ за собою активную позицію и въ этомъ смыслѣ—надпартийна. Такою представляется намъ новая личность, поднявшая знамя жизни въ полѣ, усѣянномъ трупами, еще дымящемся кровью, призывающая идти рядомъ, но не по слѣдамъ.

Ея индивидуализмъ не противорѣчитъ идеѣ общественности, но молодое вино не вливаютъ въ старые мѣхи. Для нея—новая общественность и одна заповѣдь—самоопредѣленіе. Конечно, скажутъ мнѣ, самоопредѣленіе—хорошій принципъ, но вѣдь для его реализаціи необходимо что-то совсѣмъ новое. Личность себѣ-

довлѣюща, — значить предполагается, что она привыкла къ самодѣтельности. Личность самоправна, но тѣмъ больше лежащая на ней отвѣтственность, тѣмъ лучше должна она ориентироваться въ каждомъ положеніи, тѣмъ глубже должна она анализировать каждое явленіе и въ каждомъ переживаніи должна отдать себѣ ясный и точный отчетъ. Однако, кто же воспитаетъ намъ эту свободную личность? Быть можетъ школа? Попробуемъ отвѣтить на этотъ вопросъ, поскольку это въ нашихъ силахъ. Прежде всего рѣшимъ, что должна дать школа, принимая, что она служитъ этому дѣлу, затѣмъ, что даетъ школа, и наконецъ изъ сопоставленія этихъ отвѣтовъ не трудно будетъ найти, какъ далека она отъ истины (или, наоборотъ, близка къ ней). Самоопредѣленіе — единственная заповѣдь. Но чтобы крутой обрывистый путь — подъемъ къ ней — обратился въ триумфальное шествіе, нужна мощь, нужно, чтобы личность была одинаково сильна и духомъ и тѣломъ. Для труднаго и скользкаго пути у нея должны быть крѣпкія ноги, сильныя руки и вѣрный глазъ. И чѣмъ меньше ненужнаго балласта возьметъ она въ эту дорогу, тѣмъ лучше, тѣмъ легче будетъ ея подъемъ.

Дѣятельность, какъ рядъ поступковъ, зависитъ отъ степени психической нормальности человека, а эта послѣдняя стоитъ въ непосредственной неразрывной связи съ общимъ состояніемъ организма. Только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ жить здоровый духъ, и справедливость этого положенія прочно базируется на достиженіяхъ древнихъ. Развитіе ясности и вѣрности душевнаго взора шло у нихъ рука объ руку съ физическимъ развитіемъ, и задача школы въ интеллектуальномъ направленіи заключалась въ томъ, чтобы привить уму здоровую логику и здоровую сознательность, отнюдь не обременяя его ненужнымъ балластомъ. Такимъ образомъ, достигалась мудрая гармонія духа и тѣла. Въ самомъ дѣлѣ, великъ ли былъ этотъ балластъ у древнихъ, а между тѣмъ они дали намъ «божественнаго» Платона, они создали искусство, равнаго которому нѣтъ, не было да, пожалуй, и не будетъ. Очевидно, дѣло отнюдь не въ наибольшемъ «количествѣ» (и именно «количествѣ») знаній, которое даетъ намъ

средняя школа. Само собою понятно, что черезъ икъсь лѣтъ это количество «общихъ» знаній возрастетъ настолько ощутительно, что успешное усвоеніе его будетъ едва ли возможно для простого человѣческаго мозга даже и въ восьми-лѣтній періодъ. Къ этому нужно прибавить односторонность, порождаемую такой исключительностью, чтобы вполне представить себѣ антигигіеническія условія, въ которыя поставлено въ нашей школѣ тѣло, да и духъ, въ не меньшей, если не въ большей степени. Масса матерьяла сухого, далекаго отъ жизни и ничѣмъ не связаннаго, атрофируетъ всякую живую любознательность, не представляя рѣшительно никакой возможности ориентироваться, разобраться, отнестись сколько-нибудь сознательно къ усвоаемому. Убивается въ корнѣ всякая самодѣтельность и надъ душой маленькаго старичке въ гимназической блузѣ, какъ и надъ душой дешеваго, безличнаго обывателя, встаетъ призракъ того же самаго „фараона“, который во всѣхъ случаяхъ жизни долженъ его „тащить“ или „не пущать“. Нацѣло парализуются всякія стремленія, всякія хотѣнія и выходятъ въ жизнь молодья развалины, лишеныя упованій, мечтаній и идеаловъ единственно потому, что идеаловъ они еще „не проходили“. Конечно, такіе люди неспособны будутъ къ самодѣтельности, ибо имъ, говоря словами Гете,

...въ каждомъ дѣлѣ

Нужна, какъ пища и вода,

Команда: разъ, два, три! — всегда.

Эти сфабрикованные „по особому заказу“ „феномены“ въ дальнѣйшемъ представляютъ изъ себя самую благопріятную среду для развитія кружковщины. Вѣчные жизненные вопросы, которые встаютъ передъ каждымъ существованіемъ, не могутъ быть разрѣшены ими самостоятельно „идеаловъ они не проходили“, обратиться къ религіи — они также не въ состояніи, тамъ нужна вѣра, а у нихъ нѣтъ упованій; что же остается еще? И вотъ кружокъ открываетъ имъ свои объятія: „Придите ко мнѣ все обремененніи вѣчными вопросами — и азъ упокою вы“, говоритъ онъ. И они идутъ, Идутъ и идутъ. Идутъ всѣ поголовно, какъ стадо барановъ, охотно одѣвая цѣпи: разъ цѣпи

одѣты — надо ихъ носить. О чемъ же еще спрашивать? Они никогда не осмѣлятся догадаться посмотрѣть, на чемъ же зиждутся скрижали ихъ заповѣдей. Они слагаютъ то многострадальное русское подполье, слѣпое, водимое вожаками, и въ жизни такое же кошмарно-безтолковое, какъ въ романѣ Достоевскаго „Бѣсы“, исторія котораго жутко-тяжела и печальна.

Идейный инвалидъ, попадающій въ это подполье, вездѣ и всюду ждетъ той же самой команды: разъ, два, три. Онъ сживается съ рамками подполья, онъ находитъ красивымъ только то, что видитъ черезъ рѣшетку, и выйти за предѣлы подполья онъ не въ состояніи. Увидѣть дальше стѣну своей тюрьмы онъ также не можетъ, онъ близорукъ *).

Идейный банкротъ и нищій духомъ, онъ, подобно андреевскому герою «Моихъ записокъ», слѣпо вѣритъ, что предначертанія подполья законны, единственно правильны и исчерпывающы. Все, что было, есть и будетъ истиннаго, законнаго и цѣннаго, рукою мудраго тюремщика уже начертана на скрижаляхъ подполья. Отсюда онъ дѣлаетъ логически неправильное заключеніе, а именно: если все истинное находится въ подпольѣ, значитъ все, что находится въ подпольѣ, что выходитъ изъ подполья—истинно **). Всякое новое явленіе подполье ищетъ на своихъ скрижаляхъ, а не найдя его тамъ и не будучи въ состояніи разобраться въ немъ самостоятельно, объявляетъ ему войну. Постоянная травля, постоян-

*) Лучшимъ примѣромъ недалновидности можетъ служить позиція „лѣвой“ газеты „Рѣчь“, передъ войной упустившей изъ виду міровое значеніе славянскаго дѣла и рекомендовавшей политику униженія передъ Австріей, не учитывая неизбѣжности экономическаго кризиса для Россіи.

***) Яркимъ примѣромъ такой логики можетъ служить слѣдующій случай. На прошлыхъ дняхъ въ лѣвой газетѣ „День“ появился грязный пасквиль по адресу нашего журнала. Когда мы обратились въ „Современное Слово“ съ просьбой напечатать наше опроверженіе, намъ отказали, мотивируя отказъ тѣмъ, что „лѣвая газета не можетъ сказать неправды“.

ный страхъ за существованіе сдѣлали подполье осторожнымъ до мелочности въ поступкахъ и двуязычнымъ въ словахъ. И средства борьбы подполья, какъ и все, что выходитъ изъ подполья, носятъ характеръ мелочности, сорности ***). Такова психологія этихъ униженныхъ и оскорбленныхъ. И не жизнью создана она, а школой. Она родилась еще на школьной скамьѣ. Родилась и воспиталась тамъ,...

Итакъ, во-первыхъ: школа обременяетъ огромнымъ «количествомъ» матеріала въ ущербъ физическому и умственному развитію, во-вторыхъ: она совсѣмъ не прививаетъ здоровой логики и сознательности, какъ то слѣдовало бы ожидать, а наоборотъ, атрофируетъ и парализуетъ ихъ.

Когда-то Мефистофель далъ хорошій совѣтъ школяру:

Мой другъ, вступишь сначала вамъ
Въ collegium logicum прилично.
Разсудокъ вашъ сожмутъ отлично
Въ ежовыхъ рукавицахъ тамъ,
Чтобъ тихо онъ, безъ нетерпѣнья
Всходилъ по лѣстницѣ мышленья,
Чтобъ по неправильнымъ путямъ
Не заблуждался тамъ и сямъ...

Но школяру на хорошія вещи Богъ памяти не далъ. И, какъ это ни печально, а приходится констатировать фактъ: у насъ есть школы для бездарностей и безличностей, но школы для личностей—нѣтъ.

Василій Яшинъ,

***) Отличной иллюстраціей къ этому является антраша, выкинутая недавно „лѣвымъ“ „Днемъ“ по адресу нашего журнала: что было, то исказили, чего не было, то присочинили и, перетасовавши все старательнымъ образомъ, объявили большой шлемъ.

Однако, пасквиль оказался черезчуръ уже очевиднымъ. и такимъ образомъ вышло, что „унтеръ-офицерская вдова сама себя высѣкла“.

О поэзии Игоря Сѣверянина.

(По поводу новаго сборника: Игорь Сѣверянинъ: „Ананасы въ шампанскомъ“. Поэзы изд. „Наши Дни“, Москва, 1915).

А. Туфановъ.

Ст. Малларме, для котораго весь міръ—система символовъ, подчиненныхъ системѣ чистыхъ идей, управляемыхъ космическими законами, въ своихъ знаменитыхъ сонетахъ даетъ намъ геніальные образцы созерцанія въ феноменахъ пребывающей формы всего даннаго рода вещей, возможно далекихъ по аналогіи; такому идеальному построению аналогій отвѣчаетъ и его поэтической языкъ. С. Малларме требуетъ инструментализаціи поэтической рѣчи.

Еще Аристотель устанавливалъ сходство между музыкальными ритмами и мелодіями и душевными состояніями. Есть строгое соотвѣтствіе между сущностью человѣка и сущностью мелодіи. Воля человѣка стремится къ удовлетворенію, за которымъ наступаетъ новое стремленіе. Счастье—въ быстрыхъ переходахъ, страданія—отъ задержки въ удовлетвореніи, тоска и скука—отъ задержки въ переходѣ къ новому стремленію. Мелодія—отклоненіе отъ тоники, переходъ къ гармоническимъ ступенямъ, а также и къ диссоциирующей септимѣ; въ ней—отраженіе стремленій воли, переходъ къ гармонической терціи и возвращеніе къ тоникѣ—удовлетвореніе, переходъ къ септимѣ—страданіе, задержка перехода къ новому стремленію—долго выдерживаемая тоника—тоже страданіе. Неисчерпаемость въ созданіи новыхъ мелодій—нашъ безграничный, безпредѣльный индивидуализмъ. Въ мелодіи, воспроизведенной на одинъ тонъ выше, уже аналогія безсмертія; уничтоженіе связи съ первой при повтореніи въ другомъ тонѣ—смерть индивидуума, но воля продолжаетъ жить въ другихъ индивидуумахъ то какъ терція, то какъ септима, или даже какъ тоника и т. д. и т. д.

Идеаль лирики, а также и ея предѣлъ—музыка, вотъ почему С. Малларме смотрѣлъ на технику стиха, какъ на своего рода контрапунктъ;

красная строка и знаки препинанія для него музыкальныя паузы, гласные разной звучности—дѣззы и бемоли; ритмическія случайныя отклоненія стиха, природа согласныхъ, ихъ сочетанія—все это для него вопросы музыкальной теоріи стиха.

У насъ въ Россіи первымъ поэтомъ-инструментаторомъ слѣдуетъ признать Вал. Брюсова. Его излюбленный приѣмъ—аллитерація, а изъ другихъ: опущеніе сказуемыхъ, художественная комбинація ритмическихъ и логическихъ удареній, игра ритмомъ, цезурой, изысканная, богатая рима („безволие“ и „болѣ“, „покинуть“ и „навлиновъ“ и др.), свободный стихъ, комбинаціи всѣхъ размѣровъ.

Между эстетическими законами музыки и поэзіи существуетъ тѣсная связь. Такъ, появленіе въ концѣ стиха ассонанса-аллитераціи, которые, сравнительно съ римою, представляютъ собою диссонансъ, дисгармонію, совпадаетъ съ введеніемъ въ музыку Скрябиннымъ и Рахманиновымъ дисгармоничныхъ аккордовъ, какъ дисгармоничные аккорды, такъ и ассонансы и аллитераціи имѣютъ свою красоту. Происхожденіе этихъ новыхъ художественныхъ украшеній стиха древнее, слѣды ихъ можно встрѣтить еще въ Иліадѣ Гомера; не останавливаясь на историческомъ развитіи художественныхъ украшеній стиха, я скажу еще нѣсколько словъ объ ихъ общемъ значеніи.

Населеніе приморскихъ земель знаетъ явленія приливовъ и отливовъ въ заливахъ и моряхъ съ океана, символа многоликой души поэта. Только во время отливовъ оно высыпаетъ на берегъ и роется въ раковинахъ, ищетъ жемчугъ и янтари.

Въ развитіи человѣческаго духа есть свои приливы и свои отливы. Символизмъ, какъ океанъ, слишкомъ глубокъ, великъ и недоступенъ многимъ; его проникновеніе въ сознаніе вызываетъ

сразу же сильную реакцію, отливъ, во время которой только ступени превзойденныя, забытое, оставленное позади—жемчугъ попадаетъ въ руки немногихъ, большинство же находитъ всего больше агатовъ и янтарей.

Поэзія Игоря Сѣверянина—этотъ реализмъ въ янтаряхъ—вмѣстѣ съ символизмомъ А. Блока, отчасти З. Гиппиусъ, съ ихъ самоотрицаіемъ, бѣгствомъ отъ самихъ себя, ничто иное какъ реакція противъ символизма съ его сложностью. Въ лицѣ Игоря Сѣверянина, З. Гиппиусъ, А. Блока и мн. другихъ современныхъ поэтовъ, съ ихъ уклономъ въ опрощеніе, реализмъ, народность, мистицизмъ, акмеизмъ, футуризмъ и т. д., мы видимъ только реакцію противъ символизма, за которой придетъ опять онъ же, океанъ, съ его новымъ устремленіемъ къ солнцу, къ познанію сверхчувственнаго, потусторонняго міра путемъ созерцанія и сквозь реально-эмпирическое.

Намъ нужна музыкальная теорія стиха. Поэтовъ-ремесленниковъ, не знающихъ теоріи и потому занимающихся перепѣвами, много, но мало среди нихъ истинныхъ художниковъ, которые соединяли бы въ себѣ поэтическое творчество съ знаніемъ современной техники стихосложенія. Читая новую книгу Игоря Сѣверянина „Ананасы въ шампанскомъ“, прежде всего остановился на вопросѣ о новыхъ словахъ.

„Мысль изреченная есть ложь“, слово перестало быть равносильнымъ содержанію нашего внутренняго опыта, а потому нужны новыя средства его выявленія. Символизмъ находитъ выходъ въ теоріи соотвѣтствій и инструментализаціи поэтической рѣчи, а футуристы и Игорь Сѣверянинъ видятъ возможность разрѣшенія этого вопроса въ образованіи новыхъ словъ. Много новыхъ словъ дали наши символисты К. Бальмонтъ и Вал. Врюсовъ, и ихъ новыя слова вошли въ поэтическій языкъ незамѣтно, какъ органически-выросшія безъ противорѣчій духу нашего языка.

Много далъ и Игорь Сѣверянинъ; такія формы, какъ осолнеченъ, онебесенъ, освѣтозаренъ и др. можно принять какъ причастныя формы безъ прошлаго, ставшія именами прилагательными, какъ вдохновенный, обыкновенный и др.

Что же касается другихъ, то большая часть недопустима изъ-за ихъ сложности, искусственности и немзыкальности. Приведу образцы неу-

дачныхъ словъ изъ разбираемаго сборника: вѣтропросвистъ, грѣзофарсъ, среброспицный, волособлонды, фетротортъ, морѣть, хрустче, бальзаколѣтній, мѣхово, онездѣшенъ, природоцапъ, обукетить, оискренный (отъ искра), зломозгло, объутопили, далечница, сіяльный, пророчный, не, выгроженный, невысмертившій, почѣло (отъ ночь), одиночила, крутобрегій, звукоткань, отряпenny, бѣлесо, печалѣль, пробезшумѣль, осе-стриль, звѣздиль, астриль, запесочать, огимнивъ.

Насколько искусственны и нежизненны выписанные слова, покажетъ намъ простой анализъ словъ: морѣть, оискренный, невыгроженный, почѣло, печалѣль; они слишкомъ просты по своему происхожденію; если возможно „морѣть“, то такое же право на рожденіе имѣютъ слова отъ: „озеро“, „окно“, „поле“, „сѣно“, „рѣшето“ и т. д., озерѣть, окнѣть, полѣть, сѣнѣть, рѣшетѣть и т. д. Ихъ нѣтъ, потому что духъ языка не допускаетъ. Сопоставимъ эти вновь образованныя нами, по образцу „морѣть“, слова со словами: темнѣть, свѣтлѣть, блѣть, синѣть, свирѣпѣть; видимъ, что данная глагольная форма опирается на психологическое основаніе измѣненія качественной окраски даннаго явленія. Въ то время какъ въ свирѣпости, тьмѣ, свѣтѣ, есть элементъ нарастанія (положительнаго или отрицательнаго), въ окнѣ, морѣ, озерѣ, рѣшетѣ—его нѣтъ; а потому не можетъ быть и глагольныхъ формъ: морѣть, сѣнѣть, не можетъ быть и перенесенія на душевную жизнь.

Поэзія Игоря Сѣверянина—пока поэзія реалистическая. Въ своей „Увертюрѣ“ къ разбираемой книгѣ онъ пишетъ:

„Ананасы въ шампанскомъ! Ананасы въ шампанскомъ!

„Удивительно вкусно, искристо и остро!

„Весь я въ чемъ-то норвежскомъ! весь я въ чемъ-то испанскомъ!

„Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!“

Для него искусство—не познаніе платонической идеи черезъ созерцаніе, а самораствореніе въ реальномъ для претворенія „трагедіи жизни въ грѣзофарсъ“. Въ эпоху реакціи противъ сложности символизма онъ отразилъ въ своей поэзіи бунтъ противъ утонченности, вотъ почему въ его пѣсняхъ: аэропланы, коробокъ спичекъ, автомобили, курорты, англійскій бисквитъ, лорнетъ,

смокингъ, устрица, кукишъ, ландо, „эти дамы“, медицинскій институтъ, афиша и т. д. и т. д.

Результатомъ такого опрощенія явилось богатство новыхъ риемъ.

Обращаютъ вниманіе въ разбираемомъ сборникѣ два стихотворенія: „Къ чертѣ черта“ и „Тѣнь апельсинной вѣтки“. Первое посвящено мгновеннымъ встрѣчамъ „черты-мгновенія, черты-мечты“...

„... Жить изумительно

„Чудесно все-таки! Ахъ, сразу нѣсколькихъ—
о д н у любить!

„Невоплощенная! Невоплотимая! Тебя плъни-
тельно

„Ждать—это жить!“

Эти послѣднія строки характерны, какъ отраженіе нашего древняго романтизма, уже ступени превзойденной.

А второе стихотвореніе „Тѣнь апельсинной вѣтки“, изъ Тинъ-Тунъ-Лингъ я привожу цѣликомъ:

„Одиночила въ комнатѣ дѣвушка.

„Взволновали ее звуки флейты,—

„Голосъ юноши въ нихъ... Голосъ, чей ты?

„О, застынь въ напряженной мечтѣ ушко!

„Чья-то тѣнь на колѣни къ ней падаетъ,—

„Изъ окна апельсиновая вѣтка.

„Разорвалъ кто-то платье мнѣ мѣтко“,

„Грезить дѣвушка съ тайной отрадою“...

Молитвенные гимны древняго романтизма всегда, по закону полярности, сопровождаются натуралистическимъ паденіемъ.

Не касаясь больше содержанія этого стихотворенія, остановлюсь на техническомъ его исполненіи. Дѣвушка, мечтѣ ушко; падаетъ, отрадою—конечныя ассонансы-аллитераціи, вмѣсто риемъ, и кромѣ того аллитерація на *Н* въ срединѣ словъ для усиленія впечатлѣнія замкнутости, одиночества.

Въ смыслѣ удачнаго подбора, вмѣсто риемъ, ассонансовъ-аллитерацій, слѣдуетъ взять „Когда ночѣло“, вотъ эти украшающіе поэтическіе диссонансы: около, колокола; просѣвка, мопсика; хвороста, просто; отгуживаль, нужно; а одиннадцать—подвинуться, охая—плохо я—уже звучать, какъ риемы.

Стихотвореніе „Западъ погасъ“ интересно какъ образецъ игры риемами:

Западъ

Погасъ...

Роса

Поддалась...

Тихо

Въ поляхъ...

Ива—

Голякъ...

Вѣтрится

Кустъ...

Зебрится

Хрусть...

Ломокъ

Ледокъ...

Громокъ

Гудокъ...

Во мглѣ

Полотно

И склепа

Пятно...

Какъ извѣстно, игра риемами выражается въ подыскиваніи къ одному слову двухъ или нѣсколькихъ словъ, дающихъ вмѣстѣ риему для перваго (корявы—якоря вы). Въ разбираемомъ стихотвореніи Игоря Сѣверянина первые 4 стиха при чтеніи дѣлятся на такія части:

Западъ

Погасъ

Роса Под-

далась.

А послѣдніе четыре:

Во мглѣ По-

лотно

И склепа

Пятно.

Здѣсь поэтъ часть риемы одного стиха переноситъ въ слѣдующій за нимъ, благодаря чему ритмическое построеніе не нарушается; но общаго ритмическаго плана нѣтъ во всемъ стихотвореніи. Если взять:

Вѣтрится

Кустъ...

Зебрится

Хрусть...

и сдѣлать необходимое перенесеніе, получимъ:

Вѣтрит-

ся Кустъ...

Зебрит-

ся Хрусть...

т. е. 12 средних стиховъ будутъ по схемѣ: хорей—ямбъ, тогда какъ послѣднее четырехстишіе: амфибрахій—ямбъ, а первое: хорей—ямбъ, амфибрахій—ямбъ. Такимъ образомъ, изъ-за игры римами въ стихотвореніи ритмическое построение нарушено; кромѣ того, тихо—ива связаны ассонансомъ, а всѣ другіе—риемуются, симметрію построения строфъ не даетъ внѣшнихъ указаній на художественный замыселъ, значить „ива—тихо“ должны быть отнесены къ техническимъ несовершенствамъ.

Удачные случаи игры римами вообще очень рѣдки, а при погонѣ за этой игрой стихи кажутся вымученными; въ серьезной поэзіи она нарушаетъ художественность и болѣе пригодна для сатирическихъ и юмористическихъ произведеній, гдѣ требуется неожиданное несоотвѣтствіе какого-нибудь явленія тому, что установлено („Я должна открывать людямъ истину и тянуть ихъ усердно въ гору...—Ну, а такъ я людей всегда внизъ тяну, и за мной всѣ идутъ безъ спору“—изъ сочин. Н. Н. Вентцель).

Удачные примѣры на игру римами есть у Игоря Сѣверянина на 78 стр.: августа—дубравъ густа, на 79-ой: строфа усть—Фаустъ, на 83-ей: лѣни я—томленія, на 85: ударъ меня—сударыня (асс.—аллигер.), на 94: араба—гроза бы, на 100: шелъ ты—желтый, на 105: сказка вы—ласковы, палевы—упали вы, синяго—святыхъ его.

На 72 стр. помѣщенъ „Триолетъ“: „Въ протяжныхъ стонахъ самовара“, который за триолетъ признать нельзя. Новымъ поэтамъ для подобныхъ формъ слѣдуетъ придумывать новыя названія, а не пользоваться старыми, освященными вѣками. Лучшіе наши поэты, напр. Бальмонтъ, считаются съ исторіей развитія поэтическихъ формъ и не вносятъ измѣненій въ триолетъ. Триолетъ—

Іюльская ночь.

Ночь истомы полна;
Въ старомъ паркѣ темно...
Жарко мнѣ... Не до сна...
— Открываю окно.
Навѣваетъ мнѣ жуть
Шопотъ старыхъ березъ:
„Не уснуть... не уснуть“...
„Не забыть вешнихъ грезъ“...
Вѣтерокъ набѣжалъ

чисто французская форма—требуетъ тройкаго повторенія 1-го стиха, двойного повторенія—2-го и тройной рими въ серединѣ триолета.

Прежде чѣмъ перейти къ резюме о поэзіи Игоря Сѣверянина, приведу четырехстишіе изъ Валерія Брюсова:

„Когда встрѣчалось въ дѣтствѣ горе—
„Иль безграничная печаль,
„Все успокаивало море
„И моря ласковая даль“...

Казалось бы, какія избитыя рими (море—горе, печаль—даль), но сколько искренней непосредственной художественной красоты!

Реалистическая поэзія Игоря Сѣверянина при интеллигентскомъ движеніи къ опрошенію хороша только при соблюденіи художественной мѣры, а тамъ, гдѣ не соблюдено это требованіе, его творчество похоже на римованную сенсацию или на диссонансы безъ красоты.

Нео-реализмъ далъ ему много новыхъ римъ, но почти половина книги имѣетъ, вмѣсто римъ, конечныя ассонансы-аллитераціи.

Многія новыя слова носятъ дѣланный характеръ, нарушаютъ общіе законы развитія языка: морѣть, ночѣло и т. д. и не оправдываются историческимъ ходомъ развитія поэзіи (разрывъ съ теоріей соотвѣтствій).

Въ его поэзіи—совмѣщеніе древняго романтизма съ натурализмомъ.

Но, несмотря на указанныя отрицательныя стороны, все же онъ одинъ изъ тѣхъ, послѣ кого будущее. Онъ—искатель новыхъ формъ при духовномъ опрошеніи. Отъ его удачныхъ и неудачныхъ формъ легче итти въ новому, чѣмъ отъ удачныхъ формъ классически ветхозавѣтныхъ стиховъ многихъ современныхъ поэтовъ.

А. Туфановъ.

— Спѣлой рожью пахнулъ,
На пруду задрожалъ,—
Зарябилъ и... уснулъ.
Только мнѣ не заснуть,—
Такъ тревожна душа...
А березы мнѣ жуть
Навѣваютъ шурша...

Евгеній Радомирскій.

Цѣнность индивидуализаціи.

Культура собственного Я—вотъ истинный идеаль челоуѣка.

Послѣдняя тайна—мы сами.

(Оскаръ Уайльдъ).

Э. Г.

Въ литературѣ, посвященной вопросамъ духовнаго перерожденія современной интеллигенціи, неизмѣнно слышатся два противоположныхъ зова: съ одной стороны—призывъ къ коллективному развитію, съ другой—призывъ къ развитію индивидуальному.

Въ первомъ (январскомъ) номерѣ „Сѣвернаго Гусляра“ редакція удѣлила мѣсто статьѣ Нелли („Два пожеланія“), въ которой указанные вопросы разбираются въ частномъ случаѣ—въ примѣненіи къ студенчеству. Авторъ статьи отмѣчаетъ полную разобщенность, эгоистическую обособленность отдѣльныхъ представителей студенчества и настаиваетъ на необходимости коллективной научной, общественной работы.

Во всякой коллективной жизни, какъ бы высоко она ни была организована, всегда даетъ себя чувствовать механическое начало. Тамъ, гдѣ вниманіе сосредоточено на формахъ людскаго общенія, на внѣшнихъ интересахъ общественности, на демократизаціи ума и таланта,—тамъ естественнымъ образомъ нивелируются все яркія, самобытныя проявленія индивидуальной духовной жизни. Нельзя возмущаться тѣмъ, что находятся люди, избѣгающіе тратить энергію на поддержаніе связи съ общественнымъ организмомъ, во имя углубленія въ плодотворныя радости индивидуальнаго міротворчества. Никогда не можетъ быть слишкомъ самобытнаго обособленія, слишкомъ оригинальнаго исканія. Влеченіе къ единству и отталкиваніе отъ множественности, жажда самоутвержденія и отвращеніе къ приспособленію, связаны со всякимъ исканіемъ новыхъ, непроторенныхъ путей. Осуждать рѣшимость къ

одиночеству, волю къ уединенію, значить не умѣть возвыситься до пониманія великой цѣнности замкнутыхъ умовъ. Величайшія идейныя сокровища дарованы міру тѣми немногими, которые были сознательными или безсознательными индивидуалистами. „Одинъ за всехъ и все за одного“—безспорно великій принципъ, но необходимо, чтобы этотъ „одинъ“ стоялъ на той высотѣ, на которую его подымаетъ значеніе упомянутого принципа. Если въ современности чувствуется тягостнѣе къ индивидуализаціи—ему можно только радоваться. Но бѣда заключается въ томъ (и здѣсь авторъ „Двухъ пожеланій“ правъ), что существуетъ особая разновидность людей, составляющая добрую половину такъ-называемой интеллигенціи, которая, живя съ позорной и безсодержательной суетливостью, относится съ полнымъ безучастіемъ къ самымъ первичнымъ, насущнымъ запросамъ интеллекта. Ихъ міровоспріятіе, вялое и анемичное, страдаетъ какою то мыслительной диспенсіей. Жадные до дешевыхъ успѣховъ въ области внѣшней жизни, они съ закрытыми глазами проходятъ мимо основныхъ, непреходящихъ проблемъ всякаго сознательнаго существованія. И только, когда что-либо задѣваетъ въ нихъ извѣчный „шкурный вопросъ“, они пробуждаются отъ дремоты и смотрятъ на нежданную непріятность сонными озлобленными глазами. Они кажутся очень скромными и непритязательными людьми, но только до тѣхъ поръ, пока ихъ себялюбіе сыто.— „Скромно обнять маленькое счастье—это называютъ они „смирениемъ“! и при этомъ скромно косятся уже на новое маленькое счастье.“ (Фр. Ницше. „Такъ говорилъ Заратустра“). Было бы

наивно думать, что съ воцареніемъ социалистическаго строя должно безслѣдно сгинуть духовное мѣщанство. Животное благосостояніе останется по прежнему житейскимъ идеаломъ безсмертной толпы, „сплоченной посредственности“ (conglomerated mediocrity Дж. Ст. Милля).

Если тлетворное вѣяніе филистерства все сильнѣе обвѣваетъ интеллигенцію, то причина этого лежитъ въ пагубномъ вліяніи грубаго примитивнаго эгоизма, но ни въ какомъ случаѣ не въ индивидуализаціи. Индивидуализація здѣсь не причесть. Буржуазное общество создало несносное монотонное существованіе именно потому, что въ немъ нѣтъ и не можетъ быть индивидуалистовъ въ подлинномъ смыслѣ слова. Индивидуалистъ являетъ собою эгоцентрическую (а не эгоистическую) натуру постолько, поскольку познавательное самонаблюденіе и моральная самооцѣнка служатъ конечнымъ итогомъ его мыслительнаго существованія. Эгоистична не индивидуализація, но эгоистично ея сужденіе. Въ томъ, что человекъ остается съ начала до конца вѣрнымъ самому себѣ, нѣтъ ничего эгоистичнаго. Было бы непростительно лживо, дѣлая хотя шагъ къ солидарности, не вызванной императивами личной этики. Настоящій эгоизмъ заключается въ требованіи: жить по коллективному шаблону, искусственному и бездушному. Нельзя требовать отъ личности, чтобы она шла навстрѣчу уравнивающей демократизаціи, жертвуя величіемъ и красотой своего внутренняго Его, настраивая струну своей арфы въ унисонъ со звономъ безчисленныхъ балалаекъ. — „Гдѣ кончается уединеніе, тамъ начинается и шумъ великихъ авторовъ и жужжанье ядовитыхъ мухъ.“ (Фр. Ницше. „Такъ говорилъ Заратустра“).

Можно утверждать, что работа мыслителя тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ меньше считается онъ съ потребностями окружающей среды, какъ парадоксально ни звучитъ подобное утверженіе. Не общество даетъ внутреннее содержаніе личности, но личность обогащаетъ собою общество. Продукты индивидуальнаго творчества безмѣрно возвышаются надъ содержаніемъ коллективнаго сознанія. Вершинные умы всегда служили рано или поздно на радость равнинамъ.

Тотъ, кто стремится къ разрушенію былыхъ устоевъ и къ созданію новыхъ, кто проповѣдуетъ

активное отношеніе къ историческому процессу, долженъ прежде всего выработать pro domo sua глубоко продуманную идеологію. Въ противномъ случаѣ онъ беретъ за непосильную задачу. Прежде, чѣмъ строить зданіе, нужно изучить водчество. Сочувствіе какому-либо социальному ученію только потому, что оно сулитъ въ будущемъ великія блага, указываетъ на легковѣрность и трусость мышленія. Существуетъ множество примѣровъ того, какъ люди, въ пылу влеченія къ общественной ломкѣ, легкомысленно принявшіе заманчивые и спасительные съ виду догматы, не осмысливъ ихъ всесторонней критической оцѣнкой, проходятъ, въ концѣ концовъ, обычный предначертанный кругъ: бывшій радикаль становится либераломъ, потомъ консерваторомъ, и, въ заключеніи, реакціонеромъ.

Часто кругъ ограничивается всего двумя моментами—рабочій радикаль впадаетъ въ индифферентную обломовскую спячку.

Дѣло объясняется довольно просто.

Многіе люди полагаютъ, что ихъ жизненное назначеніе сводится къ тому, чтобы вызвать возможно большее движеніе (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова).

Накопленіе внутреннихъ цѣнностей, обогащеніе своего духовнаго міра почти не входитъ въ ихъ житейскую программу. Они ставятъ себѣ определенную цѣль и идутъ къ ней возможно короткою дорогою, съ близорукой настойчивостью. „Что такое упорство?“—спрашиваетъ Ницше („Странникъ и его тѣнь“), и отвѣчаетъ—„Кратчайшій путь не тотъ, который идетъ по возможно прямому направленію, а тотъ, гдѣ попутные вѣтры надуютъ наши паруса: такъ учитъ наука мореплаванія. Не слѣдовать этому ученію, значить быть упорнымъ: твердость характера омрачается при этомъ глупостью“.

Есть вѣчные вопросы, на которые нельзя искать отвѣта. Есть мучительныя загадки бытія, нѣмныя и таинственныя. Въ глубокой тишинѣ самоуглубленія совершается великое таинство міропознанія.

Столкновеніе мнѣній, которому коллективизмъ придаетъ значеніе орудія добыванія истины, обычно не ведетъ ни къ чему другому, какъ къ столкновенію личностей.

Тѣ, для кого цѣль важнѣе средствъ и успѣхъ дѣла важнѣе содержанія дѣла, знаютъ къ чему приведетъ ихъ дорога. Тѣ, кто ищутъ только воплощенія своихъ запросовъ и завершения своей индивидуальности, не знаютъ никогда, куда приведетъ ихъ извилистый и долгій путь. И не смотря на это невѣдѣніе, они гораздо больше служатъ истинной культурѣ, чѣмъ тѣ, кто печется о послѣдствіяхъ. Такова особенность индивидуализаціи.

Часто указываютъ на то, что отецъ индивидуализма — Ницше — проповѣдуетъ чудовищный, безжалостный эгоизмъ. Проф. В. А. Вагнеръ сказалъ на одной изъ своихъ лекцій, что Ницше — геніальный философъ, былъ очень плохимъ біологомъ. Въ органическомъ мірѣ не все исчерпывается борьбой за существованіе, но существуетъ еще и взаимопомощь (см. П. Крапоткинъ „Взаимопомощь, какъ факторъ эволюціи“). Поклоненіе пѣвцу Заратустры не обязываетъ принимать его ученія цѣликомъ, безъ всякихъ исключеній и оговорокъ.

То, что въ немъ эгоцентрично (а не эгоистично), входитъ неизбежно въ основы индивидуализма. Ницше принадлежитъ къ тѣмъ мыслителямъ, творенія которыхъ требуютъ особенно внимательнаго и осторожнаго отношенія къ себѣ.

— „Учитесь хорошо читать меня!“ — обращается онъ къ своимъ читателямъ въ предисловіи къ „Утренней зарѣ“. Не знаю, много ли людей читаютъ Ницше хорошо, но увѣренъ, что многіе читаютъ его плохо, слишкомъ плохо. Какъ часто страдали его утонченныя, проникновенныя мысли отъ грубаго искаженія, какъ опошляло ихъ неразборчивое восхищеніе умственныхъ модниковъ и кокетовъ. Недавнее повѣтріе „ницшеанства“ было сплошнымъ оскорбленіемъ свѣтлой памяти пѣвца сверхчеловѣка. Ницше могъ бы сказать, подобно Толстому: „Я — Ницше, но не ницшеанецъ“. Популярность въ стадѣ его никогда не привлекала. Въ наши дни наблюдается тенденція разсматривать Ницше, какъ идеолога современнаго германскаго милитаризма. Вдохновителемъ прусскаго юнкерства называютъ того, кто еще въ 1887 году писалъ (Зейдлицу): „мнѣ кажется, что за послѣднія пятнадцать лѣтъ Германія сдѣлалась настоящей школой глупости“.

Индивидуалистическая культура сильна не

однимъ Ницше. Изысканная эстетика Уайльда (особенно значителенъ Уайльдъ послѣбрэлингскаго періода), и вдумчивый мистицизмъ Метерлинка вливаютъ и свои прозрачныя воды въ широкое русло эгоцентрическаго міротворчества. Есть для индивидуализма нѣчто цѣнное и въ современномъ мистическомъ анархизмѣ (хотя Мережковскій и окрестилъ его представителей „мистическими хулиганами“).

Въ то время, какъ индивидуализмъ стремится къ многогранному синтезированію міра явленій, коллективная идеологія сводится обычно къ узкой доктринѣ экономическаго материализма.

Материалистическое пониманіе исторіи, разсматривающее историческій процессъ съ точки зрѣнія экономическихъ отношеній, не разъ подвергалось основательной и продуманной критикѣ. Обзоръ этой критикѣ не входитъ въ задачу настоящей статьи, но слѣдуетъ указать вкратцѣ на главный недочетъ марксизма — на его непримиримую узость. Условія соціальной жизни коренятся далеко не въ однихъ экономическихъ потребностяхъ; функции человѣческаго организма не исчерпываются питаніемъ и размноженіемъ, но заключаются еще и въ потребности познанія и предвидѣнія много различныхъ феноменовъ конкретной дѣйствительности. Со стороны методологіи нельзя было бы ни въ чемъ упрекнуть изслѣдователя, вздумавшаго изучать соціальную жизнь въ отношеніи, напри- мѣръ, религіозной эволюціи или въ отношеніи исторіи литературы, или какъ нибудъ еще иначе, — потому, что всякій факторъ коллективной жизни можетъ послужить отправнымъ пунктомъ соціологическаго изслѣдованія.

Между тѣмъ, экономическій материализмъ считаетъ экономическій методъ изслѣдованія единственнымъ непогрѣшимымъ способомъ изученія сложныхъ явленій соціальной жизни, а все прочее разсматриваетъ, какъ „надстройки“.

Можно быть увѣреннымъ, что даже въ то благодатное время, когда даваемое и получаемое сдѣлаются величинами равноцѣнными, неизбежный конфликтъ между личностью и обществомъ будетъ чувствоваться съ прежней, если не большей остротой. Наряду съ упорядоченіемъ экономическихъ отношеній будетъ увеличиваться диссолидарность на почвѣ индивидуальныхъ особенностей,

диссолидарность, обусловленная расширением и усложнением эгоцентрической культуры.

В оптимистической статьѣ „О гармоническомъ обществѣ“, Эленъ Кей утверждаетъ слѣдующее: — „Какъ несомнѣнно то, что господство дворянства было низложено буржуазіей, а послѣдняя будетъ побѣждена социаль-демократіей, также несомнѣнно, что социаль-демократія въ свою очередь будетъ побѣждена социаль-индивидуализмомъ, или лучше социаль-аристократіей“. Въ противоположность бодрымъ упованіямъ шведской писательницы, мрачно смотрѣлъ на положеніе вещей А. И. Герценъ: — „За большинствомъ, теперь господствующимъ, (то есть за большинствомъ капиталистическаго мѣщанства) стоитъ еще большее большинство кандидатовъ на него (пролетаріата), для которыхъ нравы, понятія, образъ жизни мѣщанства—единственная цѣль стремлений; ихъ хватить на десять перемѣнъ“ („Концы и начала“). Весь безземельный міръ городского

пролетаріата, по словамъ Герцена, „пройдетъ мѣщанствомъ“.

Оскаръ Уайльдъ полагаетъ, что рано или поздно индивидуализмъ все таки побѣдитъ. Въ статьѣ „Душа человѣка при социалистическомъ строѣ“ онъ говоритъ: „Эволюція—это законъ жизни, и для эволюціи нѣтъ иного направленія, какъ въ сторону индивидуализма“.

Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ года въ годъ толпятся на порогѣ будущаго вопросы и отвѣты, бессильные нарушить его мучительное безмолвіе.

Прожекторы человѣческаго исканія бросаютъ снопы лучей въ туманную мглу грядущаго, но далекія вершины попрежнему окутаны мракомъ.

Но если есть какая нибудь надежда на лучшее будущее, единственнымъ спасеніемъ отъ духовнаго измельчанія и обнищанія можетъ и должна быть культура личности—эгоцентрическое міропониманіе.

Э. Г.

Великій художникъ.

(Этюдъ)

Посвящается Н. Фридьевой.

Нелли.

Рѣшительно сегодня ужасный день. Съ неба льется вода тонкими длинными струйками, обращая землю въ слой грязи. На улицахъ почти пусто. Изрѣдка пройдетъ, шлепая по лужамъ, съ покупками прислуга, пройдетъ закрытый въ резиновый плащъ съ головой извозчикъ—и снова никого, никого словно городъ вымеръ. Мокрые дома, съ посеребреными отъ дождя крышами, глядятъ мрачно черными глазами, глядятъ придавленные, хмурые. Кое-гдѣ изъ трубъ тянется противный, грязный дымъ—далеко не тотъ, что любилъ Алексѣй Николаевичъ изображать на своихъ картинахъ. И какъ все противно и грязно! Вѣроятно, и люди въ

домахъ сейчасъ также злы и противны: отъ погоды зависитъ настроеніе. Вѣроятно, подобно Алексѣю Николаевичу, безнадежно стоять у оконъ, считая небо провалившимся, а прошлое солнце лишь сказкой, сномъ... И хорошо, что они злы. Смѣхъ, веселье сейчасъ коробили бы Алексѣя Николаевича, у котораго кромѣ неба есть еще и земля съ своими ужасами и настроеніями...

Алексѣй Николаевичъ считался художникомъ. Говорю: считался, такъ какъ послѣдняя картина была написана два года тому назадъ. За это время его успѣли позабыть и толпа и міръ ему подобныхъ, т. е. художниковъ, литераторовъ, музыкан-

товъ. Въ жизни вѣдь нѣтъ ничего постояннаго. А послѣдняя картина Алексѣя Николаевича произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Во всѣхъ журналахъ появились съ нея снимки; газеты кричали о несомнѣнномъ талантѣ, талантѣ на грани гениальности. Передъ картиной на выставкѣ толпа не могла оторваться отъ лица и тѣла Агнессы, лежавшей небрежно на оттоманкѣ; другіе художники приходили учиться на этой картинѣ и въ свободные отъ открытія часы копировали ее, тщетно смѣшивая краски, чтобы подобрать нѣжные тона. Получить точную копію никому не удалось; въ картинѣ скрывалось нѣчто ее одухотворяющее и вотъ этого „нѣчто“ искать было напрасно; нельзя, казалось, создать глаза, подобные глазамъ красавицы, почти живымъ глазамъ, съ проглядывавшей сквозь нихъ душой, красивой, нѣжной, какъ и это тѣло, удивлявшее законченностью формъ и плавностью изгибовъ. Создать Агнессу могъ лишь гений; художникъ, постигшій связь души съ тѣломъ и передавшій свое постиженіе въ тайны духа на полотно яркими, сочными красками. Сравнивая прежнія сѣрыя картины Алексѣя Николаевича, приходилось удивляться перевоплощенію. Ну что было хорошаго, если вы помните, въ картинахъ его „Городъ“, „На Кавказѣ“? Да еще въ десяткѣ пейзажей? рисункахъ акварелью? или другихъ незначительныхъ картинкахъ, о которыхъ я уже забылъ? Рѣшительно ничего. Русская дѣйствительность, будничная жизнь, масляныя краски, хорошая техника—вотъ что чувствовалось въ предыдущихъ твореніяхъ. А „Агнесса“? „Агнесса“—совершенно иное, будто и не созданіе Алексѣя Николаевича, „Агнесса“—воплощеніе мечты, души—чего-то нереальнаго въ реальное. И послѣ наивысшей кра-

соты умеръ художникъ. Умеръ такъ внезапно открывшійся талантъ. Вмѣсто него стоитъ сейчасъ маленькій, незамѣтный Алексѣй Николаевичъ, къ которому изрѣдка заходило два—три человѣка—прежніе поклонники, оставшіеся вѣрными своему богу.

* * *

Тайна появленія „Агнессы“ не представляетъ большой загадки. Скорѣе это почти обычная исторія, хотя результаты ея вышли изъ границъ обычнаго: вѣдь „Агнесса“ лучше всѣхъ до сихъ поръ появлявшихся картинъ.

Алексѣй Николаевичъ года три назадъ познакомился въ одномъ изъ курортовъ съ дочерью помѣщика Н. Красота дѣвушки сразу же обратила на себя вниманіе художника, а послѣдовавшіе за знакомствомъ бесѣды, вечера, катанія открыли ему и богатство душевной жизни, поразительную начитанность, доходившую до детального знакомства съ философіей, психологіей, съ теченіями литературы,—въ искусствѣ. И хотя Алексѣй Николаевичъ далеко не считался свѣтиломъ въ мірѣ искусства, дѣвушка была очень рада подѣлиться своими взглядами съ молодымъ художникомъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ разговоровъ Алексѣй Николаевичъ полюбилъ Агнессу той любовью, что обычно кончается чѣмъ-нибудь трагическимъ. Любовь души, страшное желаніе слиться съ милымъ и дорогимъ человѣкомъ, воплотить себя въ немъ и его въ себя, создавъ одну душу, одно существо съ гармоничными мыслями и чувствами, съ одной полной красотой—охватила Алексѣя Николаевича и дала толчокъ къ особо успѣшной работѣ портрета Агнессы.

Хорошіе часы это были! Часы безмолв-

наго созерцанія Красоты, часы творчества, рожденія существа, гдѣ бы душа Алексѣя Николаевича нашла свое отраженіе и слилась съ душой Агнессы Н. въ дивной чистотѣ. Часы перваго познанія самого себя черезъ другого, т. е. Агнесса развила въ немъ все лучшее, все наиболѣе высокое и воздушное, что таится всегда въ человѣкѣ! таится глубоко скрытымъ рядомъ со злобой, рядомъ съ лицемѣріемъ и животнымъ инстинктомъ. Женщинѣ дано пробуждать красоту! Женщина создала много великаго, говоря устами другихъ. Женщина!

А Агнесса—была одной изъ тѣхъ, гдѣ красота души не только создана природой, а и углублена умомъ; гдѣ не наивность и глупость стоятъ на первомъ мѣстѣ, а и познаніе жизни, полное пониманіе ея. Такая „сознательная красота“ лучше и выше; она не разобьется о скалы преградъ человѣческой низости. Она поднимаетъ человѣка, вдохнувъ въ него духъ бодрости, вливъ силы; даетъ возможность развить талантъ.

И такъ было. Вихрь внутренняго чувства унесъ Алексѣя Николаевича въ его работѣ; лихорадочной страстью горѣло его лицо. Бурнымъ потокомъ вырывался весь художникъ въ своемъ произведеніи. Глаза! Въ глазахъ обычно скрывается внутреннее „я“ человѣка, глазами можно было передать единую душу, и Алексѣй Николаевичъ вложилъ въ нихъ себя и ее; свое и ея. И глаза ожили. Тѣло! Тѣло говорило не только о внѣшней красотѣ, а служило оболочкой сліяннаго духа; тѣло казалось воздушнымъ, чѣмъ больше вглядываться въ его очертанія.

Физическое производило на зрителя впечатлѣніе вовсе не физическаго...

Прошли эти дни и часы. Прошли, про-

летѣли даже съ головокружительной быстротой, унося Агнессу, любовь Алексѣя Николаевича, его созданіе. Вѣчнымъ сномъ спить Агнесса; еще на курортѣ говорили объ ея болѣзни и болѣзнь унесла въ могилу молодое, цвѣтущее. Выйдя замужъ за какого-то блестящаго молодого человѣка, она недолго наслаждалась счастьемъ... И Алексѣй Николаевичъ остался одинъ; онъ зналъ, что дѣвушка его не любитъ; довольно спокойно отнесся даже къ ея замужеству, но не могъ привыкнуть къ ея смерти, къ окончательной смерти.

Оставался портретъ, великолѣпный, „живой“ портретъ—созданіе прошлыхъ солнечныхъ дней. Цѣлыми часами просиживалъ онъ передъ нимъ, какъ бы бесѣдуя съ умершей, часами глядѣлъ въ глаза умершей, впадая иногда въ полное непониманіе окружающаго. Заходившимъ друзьямъ стоило усилій оторвать его отъ созерцанія.

Она умерла!

* *
* *

Сумерки улицы заглянули и въ маленькую, бѣдную комнатку, гдѣ у окна стоялъ Алексѣй Николаевичъ. Потянулись снизу, съ пола до потолка паутинки, задерживая по дорогѣ завѣсой мрака письменный столъ, постель, этажерку съ книгами и, наконецъ, великое созданіе: изображеніе Агнессы. Глухо стучали о стекло капли непереставшаго дождя, доносились порывы вѣтра, сразу облѣпившія окно пучкомъ брызгъ... Тоска поднималась въ Алексѣѣ Николаевичѣ. Тоска и обычная уже для него грусть.

Работать послѣ портрета Агнессы онъ абсолютно не могъ, считая кощунственнымъ возвращеніе къ кистямъ, краскамъ, къ соз-

даванію новаго. Прѣжнее сѣрое отношеніе ко всему, разорванное одинъ разъ красивой дѣвушкой, смѣнилось систематическимъ умираніемъ. Онъ отлично чувствовалъ, какъ желанія его сѣуживались и доходили до минимума; какъ литература, искусство заволакивалось дымкой, подобно паутинамъ мрака въ комнатѣ; какъ безмолвное созерцаніе безъ анализа перешло въ отвращеніе созерцанія, въ отвращеніе даже жизни. Въ результатѣ Алексѣй Николаевичъ затворился въ четырехъ стѣнахъ своей комнаты и его не тянуло больше на улицу, на выставки, въ собранія. И о средствахъ для жизни онъ вспоминалъ изрѣдка, хотя этихъ средствъ еле еле хватало на плату за комнату и за обѣды. Мысль о службѣ онъ отогналъ почти въ моментъ ея зарожденія. Служить—значило бы итти въ жизнь, сталкиваться съ людьми, притворяться счастливымъ и вызывать недоумѣніе, почему художникъ бросилъ свое занятіе? Нѣтъ! какая работа возможна послѣ всѣхъ потрясеній?

Темнота вечера показалась и на картинѣ. Алексѣй Николаевичъ видѣлъ ее и чувствовалъ трепетъ въ тѣлѣ. Словно онъ присутствуетъ при смерти Агнессы; какъ будто тѣни умершей скользили, обвивая художника воспоминаніями; потухали живые глаза, исчезало тѣло, расплываясь свѣтлыми пятнами, тающими эфирными пятнами. Исчезало, погружаясь въ тьму.

А капли стучали о почернѣвшія окна погребальнымъ стукомъ; плакало за окномъ, бѣсновалось чудовище... Агнессы нѣтъ! Много дней прошло съ этой смерти, а боль почти та же! Нѣтъ Агнессы. Все осталось вокругъ, все живое, обычное, прѣжнее, а Агнессы—лучезарной дѣвушки нѣтъ. И безразлично всѣмъ, что ея нѣтъ. Безразличны ея жизнь и смерть; безразличны

такъ, какъ будто ея и не было. Гдѣ-то, гдѣ-то далеко струйки дождя скользятъ по могилкѣ, по небольшому темному бугорку земли, жалком у холмику. Внизу лежитъ... она, она—трупъ гніюшій и безобразный.

Неподвижная фигура на фонѣ тусклаго окна начала погружаться въ одну общую тьму, быстро заполнившую комнату, улицы, дома, городъ. Клубами распространялась она, эта тьма, захватывая все въ свои объятія. И слившись съ дождемъ, съ визгомъ вѣтра и тупымъ стукомъ воды, заглушала рыданія склонившагося на руки одинокаго человѣка. Моментами рыданія возрастали, вырывались изъ общаго гула отдѣльные звуки; ударялись о стѣны, о вещи, отскакивали, переплетались, создавая что-то однообразное тягучее, напоминая вой голоднаго волка.

Не первый разъ плакалъ Алексѣй Николаевичъ; не первый разъ сидѣлъ онъ такъ, склонившись у окна, ожидая ночи; переживалъ муки смерти, похоронъ Агнессы, и—любилъ смутно эти переживанія. Надсознательно любилъ ихъ, т. к. большаго и не оставалось у него въ жизни. Не выносилъ людей онъ давно, еще и до встрѣчи съ Агнессой; теперь же возникла пропасть между нимъ и людьми; не выработалъ онъ точнаго міросозерцанія; не имѣлъ таланта сильнаго, неудержимаго, какъ потокъ, какъ бурный текущій потокъ. Въ „Агнессѣ“ вылился весь этотъ талантъ въ одной каплѣ, а дальше дать нечего. Ударъ жизни оказался перенести не подъ силу. Теперь—живое умираніе, „живая“ смерть.

И хуже всего сознавать свою безцѣльность; видѣть себя маленькимъ, незамѣтнымъ—и соглашаться съ этимъ; чувствовать, что не въ силахъ дать еще, выливъ всего

въ одномъ „великомъ“. Великое-ли? Величіе обязано ей; если великъ былъ онъ, то почему полюбила Агнесса другого? Почему? Значить была права, значить разгадала его ничтожество.

Все-таки, развѣ можно забыть? развѣ умерла она? Умерла? Ха... ха... ха... Умерла, обратилась въ ничто. Нѣтъ, это неправда. Нѣтъ, она—живая!

Не напрасно оставилъ онъ портретъ у себя; не напрасно отказался отъ громадныхъ суммъ, ему предлагаемыхъ любителями картинъ. Она живетъ въ этомъ портретѣ, живетъ умирая и воскресая, живетъ съ нимъ въ одномъ гармоничномъ созданіи, въ связи духа. А что выше такой связи? — Живы ея глаза и душа общая въ нихъ, душа ея и его; живо ея тѣло; она жива въ немъ и жива любовь его. Жива наивысшая цѣль его! А если жива, то зачѣмъ слезы?

* * *

Слезы—слабость тѣла; тѣло не могло исчезнуть; оно еще не умерло. Тѣло, какъ и раньше, вполнѣ рефлективно страдало, рѣшая вопросы плоти. И смерть Агнессы и мнимый „небольшой“ талантъ—страданія тѣла, больныя сомнѣнія. Духъ освободился...

* * *

Вспыхнулъ свѣтъ и глаза Агнессы глянули на художника... И смотрѣли въ него, а онъ въ нихъ... Снова, снова духъ чувствовалъ себя витавшимъ.

Пламя освѣтило картину, ворвавшись со свистомъ въ комнату. Вспыхнула постель, обои; загорѣлся столъ, стулья, стѣны. Языки ползли постепенно, со страшной методичностью, съ несомнѣнной всеразрушающей силой. Дымъ наполнилъ жилище Алексѣя Николаевича; удушливый дымъ заволакивалъ окна и тянулся въ отверстія, т. к. стекла лопнули. Неслись какіе-то дикіе крики; внизу въ первомъ этажѣ стучали топорами, выламывая, вѣроятно, двери.

Кровавымъ цвѣтомъ облита картина и глаза „Агнессы“ еще болѣе выразительны, еще болѣе говорятъ о жизни. Въ дыму, въ огнѣ, въ освѣщеніи кажется она феерической, надземной; въ облакахъ качается ея божественное тѣло, словно порываясь улѣтѣть къ небу. И восхищенный Алексѣй Николаевичъ любитъ, чувствуя приближеніе завѣтнаго часа. Больное тѣло зачаровано: она пришла, она ожила. Съ грозой, молніей, огнемъ пришла она за нимъ. На облакахъ возьметъ его съ собою!.. Огонь приближался. Труднѣе становилось дышать. Художникъ, казалось, не замѣчалъ этого. По прежнему глядѣлъ онъ на Агнессу, пока съ грохотомъ запылавшая въ тяжелой рамѣ картина не полетѣла внизъ. Со всей тяжестью упала она на голову художника, погребая его подъ собою. Огонь схватилъ тѣло, тѣло съ застывшей на мертвыхъ устахъ улыбкой счастья.

Нелли.

Сердце.

Сказка.

(Посвящается Ж. Яковенко).

Анна Авдѣйчикъ.

Еще звучали послѣднія пѣсни—гимны любви, страстно дрожа, замирали сказки безумныхъ грезъ... Еще въ глубокомъ эфирѣ заоблачной выси красовался хрупко-прекрасный замокъ—подарокъ Счастья... Но крылья уже слабѣли.

Упадали одно за другимъ снѣжныя перья, и все труднѣй и труднѣй былъ полетъ къ чудесному замку. Все бѣднѣй и бѣднѣй становились подарки, что въ безумные миги щедро бросало царственное Счастье.

Могилой завѣяло отъ волшебныхъ чертоговъ дворца. И въ послѣдній разъ, помертвѣлое отъ жуткаго холода, волоча потускнѣвшими крыльями, вернулось Сердце на землю.

Вернулось, чтобъ никогда больше не подняться въ сіяющія вершины царства Счастья къ Любви и Наслажденію.

Ворота замка закрылись навсегда. И тусклой, ненужной показалась теперь эта жизнь земли. Жизнь зыбкаго туманнаго бо-лота; жизнь безъ солнца и свѣта.

Сердце умирало...

Жило тѣло. Въ безумномъ отчаяніи застыла душа... А съ душой гибло и Сердце.

И въ мучительной тоскѣ бросило оно укоръ Верховному Судіѣ. Сжалился мудрый Владыка и призвалъ къ себѣ страдающее Сердце.

Сверкали бѣлизной чистоты и святости безконечные покои пресвѣтлаго дворца. Въ высокой залѣ, съ облачными сводами, съ небеснымъ куполомъ, на тронѣ изъ солнечныхъ лучей возсѣдало Божество, скрытое сверкающимъ балдахиномъ.

А внизу трона на пышныхъ подушкахъ въ широкихъ креслахъ расположился сонмъ вассаловъ.

На первомъ мѣстѣ, блистая красотой и радугой пестрыхъ одѣяній, покоилось Счастье. А за ними Любовь—его младшая сестра; Вѣрность, Милосердіе, Благородство и другіе, менѣе могущественные.

И на всѣхъ, на пышныхъ и на болѣе скромныхъ, лежалъ отблескъ лучей, исходящихъ отъ Божества.

Вотъ на порогѣ яркой залы показалось Сердце. Пурпуровый нарядъ былъ блѣденъ. Крылья бессильно опущены.

Невѣрными шагами приближалось оно къ престолу Могущественнаго. А въ отдаленіи, зорко слѣдя за каждымъ его движеніемъ, темной тѣнью тихо двигался опечаленный Разсудокъ, готовый каждую минуту поддержать изнемогаго любимаго брата.

Какъ нѣжная арфа рыдала жалоба...

Никакихъ благъ не просило Сердце. Не хотѣло оно гнѣвить Могучаго Владыку. Только вернуть отнятый рай молило оно. Вернуть—чему отдало всѣ силы до послѣдней капли...

Молча указало Божество на застывшее въ величавомъ покоѣ Счастье.

И такъ же молча указало Счастье на Любовь.

На мигъ вострепнулись потяжелѣвшія крылья...

И съ горячей мольбой упало Сердце къ ногамъ прекраснаго сфинкса-женщины и, рыдая, лобзало края алой мантии.

Властная, полная сознанія своего могучаго обаянія, коснулась она распростертаго ницъ Сердца, приказывая слѣдовать за нею.

Любовь вела его въ свое царство, гдѣ обитали ея счастливые подданные-рабы.

И пришли они въ чудный садъ. Море цвѣтовъ растилалось вокругъ, шелестя и покачиваясь на гибкихъ стебляхъ. Въ стройной гармоніи мѣшались ихъ ароматы, причудливо обволакивая все кругомъ.

Они шли широкой аллеей. По бокамъ пестрѣли цвѣты. Теперь въ этомъ яркомъ хаосѣ Сердце увидѣло, что они растутъ, въ стройномъ порядкѣ, парами.

Вотъ, возлѣ счастливо рдѣющей гвоздики, гордо высится темномалиновый піонъ... Робко прижалась хрупкая фіалка къ яркому тюльпану...

Нѣжно позванивая снѣжными колокольчиками, сладкимъ дыханьемъ вѣялъ ландышъ на свою надменно великолѣпную подругу гартензію.

Розовѣющій анемонъ жадно тянулся къ задумчивой незабудкѣ...

Все кругомъ дышало страстью, все подчинялось единому закону царства Любви — желанію.

Долго шли они. Но вотъ на поворотѣ одной изъ причудливо выющихся аллей царица остановилась, — и взглядъ ея очей — очей сфинкса — съ печальной лаской — остановился на робко стоящемъ Сердцѣ.

— Ты принадлежишь женщинѣ, задумчиво сказала она. А женщина ближе мнѣ: она живетъ, дышетъ мною... Но старшій братъ мой — Счастье — покровитель мужчинъ. И тѣ крупницы его даровъ, что получаютъ женщины въ любви вымолены для нихъ у него мною... Многіе хотятъ служить мнѣ, но по капризу брата на долю многихъ выпадаетъ тяжелая награда — страданіе, ибо

всѣ блага въ его рукахъ — и тогда, вмѣстѣ съ жертвами страдаю и болѣю ихъ горемъ я сама.

Такъ жаловалась Любовь, вѣнценосная женщина, держащая въ своей рукѣ миллионы сердець.

— Смотри! показала она. Въ темной зелени, подъ широкимъ раскидистымъ платаномъ росли два цвѣтка.

Граціозно качаясь на тонкомъ стеблѣ мерцалъ яркобѣлой звѣздочкой задумчивый нарциссъ. А возлѣ него приникла къ землѣ блѣдная тубероза.

Умиралъ цвѣтокъ, бессильно пытаясь вновь заморозить своимъ прянымъ ароматомъ нѣжный нарциссъ.

И вздрогнуло отъ новой жгучей боли Сердце: его любовь, его счастье — боги и кумиры, — его горе и муки, — были эти два цвѣтка. А гибель блѣдной туберозы — была его гибелью.

— Смотри, еще разъ совсѣмъ тихо шепнула Любовь.

И Сердце увидѣло, какъ съ сосѣдняго куста желтой мимозы тянулись цѣпкія сухія вѣтки.

Ловко охватили онѣ гибкій стебель нарцисса и съ властной настойчивостью влекли къ себѣ мерцающую чашечку.

Сердце поняло... Нѣмое отчаяніе сковало жгучую боль...

Такъ вотъ почему насталь конецъ...

Тубероза умирала, медленно отравляясь своимъ удушливо дурманящимъ ароматомъ...

Тихо вышли они изъ сада.

Выть можетъ ты хочешь новой любви, новаго счастья? — участливо спросила царица.

— Поздно... — дрогнуло Сердце.

Все осталось тамъ, далеко въ прошломъ...

А къ прошлому возврата не было...

Тихо удалилась прекрасная царица Любовь и Сердце снова осталось одно...

Силы падали...

— Пойдемъ, тихо шепнулъ Разсудокъ.

— Пойдемъ, — я покажу тебѣ новое царство, новую жизнь.

Сердце не сопротивлялось.

— Собери послѣднія силы и мы полетимъ туда Сердце покорно отдалось въ руки Разсудка.

И прилетѣли они въ роскошный замокъ залитый луннымъ блескомъ. Черезъ длинный рядъ молчаливыхъ, словно вымершихъ покоевъ прошли они въ высокій залъ, потонувшій въ мягкой полутьмѣ.

На престолѣ-ложѣ полулежалъ дряхлый старикъ. Длинная серебристая борода струилась по спокойно вздымающейся груди. Старикъ спалъ. А у изголовья его луннаго ложа, въ мерцаніи золотистыхъ звѣздъ на стражѣ, охраняя сонъ своего властелина, стояла высокая, стройная женщина. Черный вуаль плотно скрывалъ ея лицо и фигуру: только видна была блѣдная, худая рука, цѣпко сжимавшая рукоять серебряной косы.

А вокругъ съ красивыми, но мертвыми лицами сидѣли подданыя царя Покоя.

Въ ужасѣ отшатнулось Сердце.

— Смерть, тихо уронило оно.

— Покой, строго поправилъ Разсудокъ.

И подвелъ онъ трепещущее Сердце къ одному изъ сидящихъ въ кругу.

— Это Богатство, тихо сказалъ Разсудокъ.

— Преси его и оно дастъ тебѣ своихъ сокровищъ. — Но закованный въ золотую броню истуканъ пугалъ Сердце.

— Тогда иди къ этой женщинѣ, у нея ты найдешь забвеніе: — это Слава.

И вспомнило Сердце давно забытыя мечты, вспомнило все, что до того сладостнаго

плѣна казалось такимъ обаятельно-прекраснымъ.

И въ порывѣ послѣдней отчаянной надежды протянуло оно руки къ прекрасной женщинѣ.

Но чистый, какъ хрусталь, звонкій, какъ серебро, голосъ, отчеканилъ отказъ.

Въ тяжеломъ рыданіи билось Сердце у ногъ бездушнаго Божества... Но все было напрасно.

— Уйди, съ холоднымъ пренебреженіемъ отстранила его Слава. — Когда я сама предлагала тебѣ свои дары, ты оттолкнула, ихъ, ты тянулась за солнечными лучами и на нихъ опалило свои крылья... Всю жизнь, всѣ силы, ты отдало „тому“, счастью, а теперь избитое, умирающее приходишь ко мнѣ.

— Твой трупъ мнѣ не нуженъ... — И суровымъ движеніемъ Слава оттолкнула Сердце.

— Что же дѣлать?... — устремилось оно къ Разсудку и, похолодѣвъ отъ ужаса, прочло въ его глазахъ свой приговоръ.

— Смерть? — тихимъ вздохомъ вырвалось у него.

— Покой, настойчиво поправилъ Разсудокъ.

Бережно поддерживая Сердце, съ устало упавшими крыльями, подвелъ онъ его къ женщинѣ, стоящей у ложа царственнаго старца — Покоя.

Дрогнувъ черный вуаль. Холодные сильныя руки въ цѣпкомъ объятіи сплелись вокругъ Сердца, прекрасное скорбное лицо склонилось въ прощальномъ поцѣлуѣ.

И, какъ новый трофей, опустила скорбная красавица Смерть разомъ затихшее Сердце къ ногамъ Владыки Покоя.

А тамъ, въ цвѣтущемъ царствѣ Любви, до земли склонялась увядшая тубероза...

Анна Авдѣйчикъ.

ЖИЗНЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.

Петроградъ (Политехникумъ).

25-го февраля ревизионная комиссия Бюро Труда представила свой доклад въ Правленіе Бюро, для предварительнаго ознакомленія докладъ будетъ прочитанъ 2-го марта 1915 г. на общемъ собраніи членовъ Бюро Труда. Нѣкоторыя извлеченія изъ этого доклада считаю умѣстнымъ сдѣлать: для широкихъ слоевъ студенчества важно знать, какъ идутъ дѣла въ экономическихъ организаціяхъ Политехническаго Института.

Докладъ ревизионной комиссіи составленъ весьма тщательно и разбитъ на вполне опредѣленные отдѣлы. Здѣсь мы находимъ, напри- мѣръ, о дѣлопроизводствѣ, о выдачѣ работъ, объ „изысканіи“ работъ, о % отчисленіяхъ, о доходахъ и расходахъ Бюро Труда, о штрафахъ, внутренней жизни Правленія. Вездѣ ревизионная комиссія отмѣчаетъ значительное улучшеніе, какъ въ смыслѣ порядка, въ смыслѣ введенія новыхъ книгъ, сопроводительныхъ бланковъ, штрафныхъ вѣдомостей, такъ и во внутренней жизни самого Правленія. Правленіе выработало точныя правила выдачи работъ, хотя основной принципъ оставило прежнимъ; введеніемъ штрафовъ усилило притокъ % отчисленій, озаботилось пониженіемъ числа утраченныхъ работъ, расширило рекламу о бюро труда. Единственнымъ, что Правленіе Бюро не могло сдѣлать, является проведеніе телефона, соединеннаго непосредственно съ городомъ. Скажемъ въ оправданіе правленія—вопросъ о телефонѣ поднимался членами бюро труда еще въ 1911 году; всѣ правленія шли по пути возможности осуществленія этого желанія, но средства не позволяли бюро затратить единовременно 400-500 рублей; средства бюро, хотя и достигаютъ солидной цифры, но почти всецѣло уходятъ на дорожно-стоющую въ газетахъ рекламу. Правленіе Бюро неоднократно обращалось съ прошеніями въ Общество вспоможенія студентамъ-политехникамъ—и всякій разъ получало отказъ, т. к. общество отговаривалось неимѣніемъ достаточныхъ суммъ (!).

„Изъ нашего доклада,“ говоритъ ревизионная комиссія, „можно было увидѣть, что дѣятельность новаго правленія отличалась достаточной полнотой и продуктивностью. Это чисто внѣшніе показатели дѣятельности правленія должны были соответствовать не менѣе интенсивной внутренней работѣ его. И, дѣйствительно, если мы обратимся къ цифрамъ, то увидимъ, что собранія членовъ Правленія происходили въ среднемъ черезъ 8 дней и что продолжительность этихъ собраній колебалась между 3 и 5 часами... Большинство членовъ Правленія относилось къ своей будничной рядовой работѣ съ большой аккуратностью и добросовѣстностью. Ревиз. Комиссія сожалеетъ, что уставъ Бюро Труда заставляетъ правленіе сложить свои полномочія, проработавъ съ Ноября 1914 г. по 2 марта 1915 г., т. е. менѣе 7 мѣсяцевъ, въ самый разгаръ дѣятельности, когда Правленіе начало оказывать въ своей работѣ „болѣе или менѣе выраженные успѣхи.“

Комиссія желала бы по этому измѣненію Устава, въ томъ смыслѣ, что Правленіе избирается общимъ собраніемъ на цѣлый годъ. „Въ заключеніе ревизионная комиссія, привнося благодарность уходящему Правленію за все то полезное для Бюро Труда, что было имъ сдѣлано, выражаетъ надежду, что новое Правленіе въ своей дѣятельности будетъ слѣдовать тѣмъ начинаніямъ, которыя легли въ основу дѣятельности бывшаго правленія.“

Общее впечатлѣніе отъ доклада Ревизионной Комиссіи весьма, конечно, утѣшительное. Вотъ только председателю Бюро Труда не ясно, почему ревизионная комиссія, коснувшись дѣятельности его правленія, ничего не сказала о прошломъ правленіи, гдѣ подготавливалась вся работа, нашедшая такую откровенную похвалу со стороны комиссіи. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдовало установить эту преемственную связь.

Организаціонное собраніе землячествъ политехникума по вопросу о слияніи землячествъ съ Кассой Взаимопомощи состоялось 25 февраля 1915 года въ 8 ч. вечера. Собраніе утвердило съ небольшими измѣненіями Уставную Комиссію информаціоннаго засѣданія (см. наше сообщеніе ранѣе). Окончившій политехнической институтъ А. Тупатилловъ сложилъ свои полномочія председателя Черниговскаго Землячества и вышелъ изъ комиссіи уставной по переработкѣ положеній о Кассѣ Взаимопомощи. Въмѣсто него кандидатомъ въ комиссію вошелъ нынѣшній председатель Черниговскаго Землячества. Изъ сообщенія предсѣд. Кассы г. Бакина выяснилось, что въ Уставной Комиссіи Кассы (куда кооптированной вошла Уставная Комиссія организаціоннаго собранія землячествъ) намѣтилось два противоположныхъ теченія; возможнымъ по этому представляется появленіе 2 проектовъ новаго Устава Кассы.

По вопросу, близко касающемуся слиянія, организаціонное собраніе избрало комиссію въ составѣ трехъ представителей землячествъ и детально на немъ не останавливалось, имѣя предметомъ преній Уставъ Кассы Взаимопомощи.

26-го февраля въ студенческой библиотекѣ было засѣданіе делегатовъ отъ экономическихъ организацій института для выясненія нуждъ студенческой читальни. Исторія этой читальни замѣчательна. Во времена Матусевича, завѣдывавшаго столовой, читальня субсидировалась имъ; сейчасъ же владѣющее столовой „Общество вспоможенія студентамъ-политехникамъ“ отказалось отъ денежной помощи, ограничиваясь предоставленіемъ помѣщенія. Студенческая библиотечка устраивала кружечный сборъ, который не далъ ничего существеннаго. Единственнымъ выходомъ явилось обращеніе ко всѣмъ студенческимъ организаціямъ съ просьбой о помощи. Послѣ отказа въ помощи О-ва Вспомоществованія студентамъ-политехникамъ, намъ кажется наиболѣе раціональнымъ содержать читальню на средства студенческихъ организацій, кои безусловно должны горячо отзываться на призывъ библиотечки. *Н.*

Отвѣтств. редакт.-издатель студентъ *Александръ Васильевъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

на еженедѣльный литературно-художественный и научный журналъ
молодой надпартийной интеллигенціи

„СЪВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ“

издаваемый студенчествомъ, чистая прибыль отъ продажи котораго
идетъ на помощь семьямъ павшихъ въ бою воиновъ,

Цѣли и задачи журнала. Зародившись въ тяжелую эпоху общественнаго перелома, — журналъ „Съверный Гусляръ“, какъ органъ выступающей въ жизнь молодой надпартийной интеллигенціи, переросшей узкія рамки партийности и кружковщины съ ихъ односторонними жизненными принципами, имѣетъ своей цѣлью:

- 1) объединить ищущихъ, задыхающихся подъ балластомъ программныхъ предписаній, стремящихся къ новой жизни, но еще не успѣвшихъ освободиться отъ обаянія прежнихъ фетишей;
- 2) способствовать всестороннему раскрытію личности;
- 3) выявленію самобытности въ литературѣ;
- 4) отыскать пути къ новому лучшему будущему за гранью перелома;
- 5) дать возможность на почвѣ трудовой коопераціи заработать неимущимъ учащимся.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. 6 мѣс.—2 р. 50 к. 3 мѣс.—1 р. 25 к. За границу на годъ—8 р. на 1/2 года 4 руб.

Цѣна объявленій: На 2, 3 и 4-й стр. обложки, 1 стр.—40 р., 1/2 стр.—20 р. 1/4—10 р. строка петита 30 к. Позади текста: 1 стр.—25 р. 1/2 стр.—15 р. 1/4 стр.—8 р.; строка петита—20 коп.; годовымъ скидка по соглашенію.

При всякомъ сношеніи съ редакціей необходимо прикладывать на отвѣтъ марку. Въ противномъ случаѣ отвѣтъ для редакціи необязателенъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ: Петроградъ, Б. Зеленина д. 8. кв. 20 а также въ книжныхъ магазинахъ: Попова—Невскій 66. „Жизнь“ Петр. ст. Б. прос. д. 3, „Новый путь“ Петр. ст. Б., пр. д. 1, книжный магазинъ „Учитель“ Больш. пр. (Петр. стор.) д. 4, книжный маг. Вас. Остр. Больш. пр. д. 2/18. Вольфа—Невскій 13, „Новое время“ Невскій 40, Карбасникова—Гост. Дворъ 19 и въ отдѣл. конторы при типогр. Литейный пр. 33.

Пробный № высылается за 2 семикопеечныя марки.

Отвѣт. Ред. Изд. студентъ А. Васильевъ.

Съ 15 февраля 1915 года въ Москвѣ открыто отдѣленіе конторы и редакціи журнала „Сѣверный Гусларь“. Т.т., желающихъ принимать участіе въ нашемъ журналѣ, просимъ направлять весь матеріаль по адресу: Москва, Б. Полашевскій, д. 5 кв. 1. Д. Д. Зеленскому.

Журналъ продается въ Москвѣ въ магазинахъ: „Русское Слово“—Тверская 48, Карбасникова—Моховая, Студенческое Издательство—Моховая, „Высшая Школа“—Полянка. А также въ кассѣ при столовой „Общество студентовъ и курсистокъ“, на Дѣвичьемъ Полѣ.

Просимъ сочувствующихъ намъ присылать въ редакцію—рукописи, рассказы, стихи, статьи на разныя темы, хронику высшей школы, иллюстраціи и проч.

Рукописи должны быть написаны на одной сторонѣ листа и, по возможности, четко,—подписаны и снабжены адресомъ, безъ чего печататься не будутъ. Безъ обозначенія гонорара рукописи считаются бесплатными.

О принятыхъ для напечатанія редакція сообщаетъ письменно. Возвращеніе непринятыхъ рукописей для редакціи необязательно.

Редакція проситъ нуждающихся т. т.—студентовъ и курсистокъ вступать въ число продавцовъ журнала. Объ условіяхъ справитесь въ редакціи отъ 5—9 ч. вечера.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ

Условія подписки на 1915 годъ. Съ доставкой и пересылкой на 12 м. въ Россіи 10 р. за границу 20 р. 11 м. 9 р. 50 к.—19 р. 10 м. 9 р.—17 р. 50 к., 9 м. 8 р. 50 к.—16 р., 8 м. 7 р. 50 к.—14 р. 50 к., 7 м. 6 р. 50 к.—13 р., 6 м. 5 р. 50 к.—11 р. 50 к., 5 м. 5 р.—10 р., 4 м. 4 р.—8 р. 3 м. 3 р.—6 р., 2 м. 2 р.—4 р., 1 м. 1 р.—2 р. Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. При подпискѣ слѣдуетъ точно указать, съ какаго мѣсяца высылать газету. Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двенадцатыхъ праздниковъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1 мая и 2 р. къ 1 сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса. При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги. Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платятъ за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 коп. За перемѣну адреса взимается каждый разъ 40 коп. Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи Москва, Тверская, Цименовскій пер., д. Молчанова, кв. 23), въ Петроградѣ—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Морская, 11, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ Парижѣ—Agence Navas, Place de la Bourse. Розничная продажа №№ Московскихъ Вѣдомостей въ Петроградѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дор. Стоимость отдѣльныхъ №№ Моск. Вѣд. 5 коп.

Редакторъ издатель Б. В. Назаревскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 г.

на ежедневную политическую и общественно-литературную газету

„Рязанскій Вѣстникъ“

XIII-й годъ изданія.

Направленіе газеты прогрессивное.

Редакція ставитъ своей задачей ознакомленіе читателей со всѣми выдающимися событіями и проявленіями общественной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границей и въ особенности возможно широкое освѣщеніе мѣстной жизни. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. 5 к., ¹/₂ года—3 р. 5 к., на 3 мѣс.—1 р. 85 к., на 1 м.—70 к. Для облегченія взноса подписной платы для годовыхъ подписчиковъ можетъ быть допущена разсрочка: при подпискѣ 3 р., и къ 1 мая 2 р. Лицамъ, не внесшимъ къ 1 мая означенной суммы, высылка газеты будетъ прекращена. Плата за объявленія впереди текста 20 коп. со строки петита, или за мѣсто занимаемое ею, сзади текста—10 коп., среди текста—30 к. При многократномъ печатаніи дѣлается значит. скидка. Разсылка при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, пр.-кур. и т. п. вѣсомъ не болѣе 1 лота, по 5 р. за 1000 экземпляровъ. Адресъ редакціи, конторы и собственной типографіи: г. Рязань, Липецкая ул. д. Гавриловой.

Редакторъ-издатель В. Н. Розановъ.